

ЗВЕЗДА РУНЕТА • ТРИЛЛЕР

УЧИЛКА



18+

Павел Давыденко

В ЦАРСТВЕ ЖЕСТОКОСТИ И БЕЗРАЗЛИЧИЯ
ЕСТЬ МЕСТО ЛЮБВИ

Звезда Рунета. Триллер

Павел Давыденко

Училка

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Давыденко П. В.

Училка / П. В. Давыденко — «АСТ», 2017 — (Звезда
Рунета. Триллер)

ISBN 978-5-17-105749-7

Любовь и ненависть, дружба и предательство, боль и ярость –
сквозь призму взгляда Артура Давыдова, ученика 9-го «А» трудной
75-й школы. Все ли смогут пройти ужасы взросления? Сколько
продержится новая училка?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-105749-7

© Давыденко П. В., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Павел Давыденко

Училка

Глава 1

Теплый прием

– Так кто теперь вести будет? – зевнул Турка.

– Проханов видел новую историчку. Молоденькая, говорит, – ухмыльнулся Вовка Плетнев.

– Молоденькая? Значит, до инфаркта ее не доведут.

В классе стоял гул. На исцарапанной, темно-зеленой доске красовались всякие человечки, кривые буквы «ПЕТЯ ЛОХ».

Над доской висели истрепанные фотоплакаты: «Джоконда», «Париж, вид сверху», «Лувр», «Римский Колизей». Сбоку, напротив ряда окон и на задней стене, – портреты русских полководцев и вояк, в деревянных рамках и под стеклом: Ушаков, Нахимов, Суворов, Кутузов, Жуков.

Только вдуматься – еще целый год прозябать тут! После трех месяцев свободы, когда уже совсем привык к ней и расслабился донельзя, когда уже почти поверил, что школа была лишь страшным сном, да и то чужим. Целый год.

– Вторую матешу поставили последней, ваще нека-айф, – Вова увернулся от бумажки. – Специально, чтоб с общества не спетлял никто. Хотя Конова ушла...

– Она ж на подкурсы в сам-знаешь-куда, – отозвался Турка, и приятели захихикали. Гул голосов одноклассников повис над потолком настойчивым пчелиным жужжанием.

Преподавательница-то какой пример подает – опаздывает!

Ленка Конова и впрямь ничего, симпатичная. В начальной школе она была незаметной, неказистой девчонкой, а теперь расцвела.

Вот вернулась откуда-то в прошлом году. Бродили разные слухи: то она перешла в другую школу, то уехала за границу, почему-то говорили про Флориду. Глаза у нее теперь густо подведены, она постоянно жует резинку и слушает музыку в наушниках. Ни с кем не разговаривает и на уроках не отвечает. Сидит и буравит взглядом учителей, если спросят что-то.

Девчонки всякое про Ленку говорили. Всякие ходили слухи.

Скрипнула дверь, и зацокали каблуки. Ученики стали поворачивать головы, гул мигом стих. Новая преподавательница: строгая твидовая юбка чуть прикрывает колени, верх – красная кофточка-водолазка без выреза. Прошла между рядами парт, переступая через раскрытые рюкзаки.

Вовчик приоткрыл рот. Турка пожирал учительницу глазами. Жалко, что нет выреза... Все подрагивает в такт упругим шагам, водолазка вот-вот лопнет.

Волосы собраны в строгий пучок. Турка легко представил, как учительница выдергивает из пучка заколку и каштановые пряди, струясь, ниспадают на хрупкие плечики, обрамляют высокие скулы.

И что-то непонятное в выражении лица. Волнуется? У Турки возникло ощущение, что он уже видел эту новенькую учительницу раньше.

Учительница замерла у доски с прямой спиной. Обвела взглядом класс и улыбнулась: – Здравствуйте, ребята! Я буду вести у вас обществознание и историю.

– Сексознание? – переспросил кто-то. Вовка злобно поглядел в ту сторону и тут же отвернулся. Там сидела банда, терроризировавшая всю школу: Крыщ, Тузов и Рамис – не хватало только Шули.

– Ну, давайте знакомиться. Меня зовут Мария Владимировна, – чистый, звонкий голос отражался от стен, от пыльных занавесок, от окон с подтеками. От этого голоса у Турки вибрировало тело. Ребята не реагировали на приветствие, причем неосознанно. Турка сразу заметил, что девчонки поражены. Вон как Алина Воскобойникова рот открыла. Та еще штучка!

Пацаны уже потихоньку шевелились и шушукались. Лед удивления, сковавший на несколько мгновений класс, потрескался и таял.

– Итак, делаем переключку. Я называю фамилии по списку, а вы встаете и показываетесь мне. Должна же я вас потихоньку запомнить.

– Вряд ли ей это понадобится, – бормотнул Вовка. – Турк, как думаешь, сколько продержится?

С передней парты повернулся Петя Русаков. Глаза у него были по-особенному тусклые, как будто пылью засыпаны.

– Лучше бы кого-то типа музычки поставили, – шепнул он краем рта, – она хоть гаркнуть может. – И отвернулся.

Вовчик скорчил рожу, ткнул Петю в спину кулаком так, чтоб Мария Владимировна не увидела, и зашипел:

– Да ты дурень, что ли?!

Турка согласно кивнул и прыснул в кулак.

– Начинаем. Асламов?

Поднялся молчаливый Рустам. Он никогда не принимал в конфликтах чью-либо сторону, редко смеялся. Рустам всем давал скатывать математику и просил написать за него сочинения по русскому языку.

– Баринова? Так, хорошо. Батраков? Березин? Водовозов Алексей? Водовозов Григорий?

Лешка и Гришка – братья-близнецы. На первый взгляд никаких отличий между ними нет. Вовка божился, что научился их отличать, а сам Турка всегда их путал. Смышленные пацаны.

Переключка тихонько себе катилась, опять начал нарастать гул, как будто кабинет постепенно приближался к водопаду.

Турка подпер щеку ладонью и задумался.

Предыдущую учительницу истории и обществознания – Зинаиду Альбертовну – положили в больницу с сердечным приступом в начале апреля. До конца прошлого учебного года она лечилась, и теперь вроде как возвращаться в школу не собирается. Трудно сказать, что именно стало последней каплей. Никто толком не отвечал на уроках, все постоянно орало, швыряли бумажки, выковыривали комки земли из горшков и бросались друг в друга. Бесились, в общем.

Плюс, Альбертовну донимал Шуля. Как начнет «общаться» с учителем, так не заткнешь. Ему слово, а Шуля двадцать в ответ.

Как-то раз в кабинете у географа после перемены запахло мочой. Олег Анатольевич ушел в подсобку, а ему на стул подложили здоровенную кнопку, монтажную. Вол тогда носил с собой целую коробку.

Олег Анатольевич на такой дешевый фокус не купился. Только внезапно вспыхнул и швырнул кнопку в аудиторию. Покраснел весь и стоит, сжимает и разжимает кулаки. Шуля тихонько поднялся и сказал:

– Вы в меня попали кнопкой.

- Сядь! – гаркнул географ. – Кому говорю?!
- Извинитесь, тогда сяду, – ухмыльнулся Шуля.
- Вышел из класса, – географ побагровел еще сильнее.
- Чего это? Я за знаниями пришел. Почему я должен выходить?
- Потому что я тебе сказал. Преподаватель. Выйди.

Географ тяжело дышал, на шее вздулась и пульсировала жила. Глаза блеснули, и он, не мигая, смотрел на Шулю. Тело под мешковатым пиджаком напряглось.

- Нет, вы извинитесь сначала. А если в вас кнопку кинуть? Приятно будет?
- Попробуй. Я тебе ее потом знаешь куда воткну?
- А я тогда на вас в суд подам. Вы как преподаватель не имеете права...
- Подавай. Можешь прямо сейчас идти, – географ резко дернул головой.
- Ну и пойду! – Проходя мимо первой парты, Шуля остановился и поглядел на географа

в упор. Потом замахнулся и сделал вид, что поправляет волосы.

Учитель перехватил руку и толкнул Шулю в грудь. Тот отпрянул и налетел на первую парту. Выбил из рук Саврасовой Карины ручку. Она вроде как на домашнем обучении, но иногда приходит в школу и сидит за первой партой с безумным видом. Больная или немного отсталая – неизвестно. Однажды Вовка спросил: «Кто за тебя написал сочинение?» Карина ответила: «Сама». Тогда он сказал: «У тебя не хватит мозгов», а Саврасова продолжила глядеть перед собой с отсутствующей улыбкой.

- Ты чо толкаешься!

– ПОШЕЛ ВОН! – завизжал географ. Банда Шули заливалась хохотом на задних партах, Тузов гоготал, а Крыщ дергал ногами и стучал кулаками по болтающейся ДСП-шной крышке парты.

- Заткнулись все! Проваливай из класса, олух!

– Кстати... Я полил ваши цветы, – Шуля отошел поближе к двери, потирая бедро. – Ах, пятиминутка... Каждый горшок, – уточнил он, скалясь гнилой улыбкой. Турка думал, что Шуля и родился с этими коричневыми карамельными пеньками во рту. Олег Анатольевич бросился на него, а Шуля выскочил за дверь.

Географ вернулся минут через десять, бледный до синевы. К тому времени все уже потихоньку ожили и обсуждали случившееся. Касьянов таскал за волосы Муравья, Рамис плевался из трубочки катышками бумаги. Попал пару раз в Саврасову – она лишь мотнула головой и продолжила глядеть перед собой: руки сложены на парте, спина прямая.

– Давыдов! – Турка вылез из-за парты. Встретился взглядом с учительницей. Руки скрестил спереди, почему-то стало неловко. Сзади что-то шептали, но он ничего не видел, кроме зеленых глаз и ярких училкиных губ.

- Я, – хрипло выдавил он.

- Очень хорошо. Китаренко?

Турка сел. На фоне девчонок (даже если сравнивать с Коновой или Воскобойниковой Алиной) новая преподавательница прямо топ-модель.

Зинаидка-инфарктница была сущей гарпией. Жирная тетка, которой на вид можно дать и сорок пять, и шестьдесят лет. Волосы с проседью, а зубы щербатые, как дряхлый забор.

– Уфимцев... Филимонова... Филиппов... Хазова, Шульга? Ребята, потише, пожалуйста!

Вол часто краснеет – что-то с давлением, скорее всего, и всегда такой отвратительный у него цвет кожи, мертвецкие оттенки – бордовый, синюшно-фиолетовый или пепельно-черный.

Вол никогда ничего не писал в тетрадах. Собственно, и тетрадей он никаких не носил. На каждом уроке перед ним лежал листочек в клеточку, и Вол рисовал там какие-то каракули.

– Шульга? Отзови-ись! – пропела учительница. Шуля отозваться не мог, естественно. Кто-то из ботаничек на первой парте подсказал учительнице, что его нет.

– Не буду ставить «энку», у нас ведь первое занятие в этом году.

– И последнее, – шепотом добавил Вовка.

– А он вообще не ходит на уроки, – сообщила Воскобойникова. – Прогульщик!

– Понятно... Дальше у нас Шарловский, Щепак... Ага, вижу. Щипачева? – Поднялась сухая, похожая на галку девочка с прямыми волосами и бесцветным лицом. – И Дмитрий Якоренко, – Мария Владимировна облизала губы и обвела взглядом класс. Постучала по раскрытому журналу ручкой. – Что ж, начнем. Итак, в прошлом году вы ведь уже проходили начальный курс обществознания? Этот год у вас выпускной, а у некоторых и вовсе последний в школе. Помните, что предстоит в мае – июне? – Мария Владимировна заходила вдоль доски. – Обязательный государственный экзамен, а потом четыре выпускных. Две обязательные дисциплины и две по выбору. Если мы с вами найдем общий язык, жить вам будет гораздо легче, – она подмигнула как будто всему классу сразу. Турка подумал: «Подмазывается».

– Так, кто-нибудь скажет, что же такое «обществознание»? – продолжала Мария Владимировна. – Какую тему изучает предмет? Ну, кто знает определение?

Класс зашептался, зашелестели страницы. В крови у всех бродил дурман лета, мозги не работали. Сегодня и на математике все тупили, и на русском языке тоже.

Вовка укрылся за чужими спинами, а Турка сам не заметил, как поднял руку.

– Да, вот ты, – учительница прищурилась. – Давыдов, верно? Скажи нам, пожалуйста.

– Ну, обществознание это... Ну как бы предмет, который изучает общество. Знание общества... – Турка смутился. Он хотел как-то выделиться среди всех, и поднять руку толкнул взгляд Марии Владимировны. Раньше-то никогда сам не вызывался отвечать, только если спросят.

– Да ты гений! Знание общества! – крикнул Проханов, и все загоготали.

– А что, правильно! – возразила Мария Владимировна.

Вовка Плетнев опять толкнул Турку локтем, прысая. Учительница же продолжала что-то рассказывать, разгуливая вдоль доски.

Открылась дверь. В кабинет ввалился Шуля. Потертые джинсы с каплями грязи снизу штанин (хотя последний дождь шел месяц назад), какой-то балахон с капюшоном, кроссовки пыльные. Шуля обвел мутным взглядом класс и упал за последнюю парту среднего ряда.

Сложил руки и положил на них голову.

– Это кто? – спросила у Воскобойниковой Мария Владимировна.

– Шульга.

– Молодой человек, вы хотя бы разрешения спросили...

Шуля в ответ громко засопел. Учительница пожала плечами и продолжила рассказывать, что же за наука такая – обществознание.

Гул не стихал, мало кто сидел молча. Обсуждали всякие насущные проблемы, играли на телефонах. Кто-то дремал.

Периодически Мария Владимировна повторяла свое: «Потише, пожалуйста!», но гул стихал для того, чтобы через пару секунд стать громче. Вместе с ним усиливался и храп. Тело Шули обмякло, растеклось по парте, испещренной царапинами, маркерными и корректорными надписями.

Точку в травле Зинаидки поставил Вол. Его пугали детской комнатой или там колонией, но в итоге пожурили как обычно, и все. Из школы грозились отчислить, но до этого дело тоже так и не дошло. Уже раза три его выгоняли, а потом он снова как ни в чем не бывало приходил на занятия.

В шестом классе Вол исчез на особенно долгий срок. В кабинете биологии огрызнулся на старшеклассника Бананенко, завязалась драка. Банан ударил Волу в пах, тот отлетел к цветочным горшкам и, скорчившись, держался за причинное место. Слезы, сопли, крики, мат. Банана оттащили, в конце концов...

После Вола положили в больницу, на операцию. Он пропустил всю четверть, как помнилось Турке. Ходили слухи, что у него там все «треснуло», «разбилось и вытекло», но Вол вернулся в школу и веселился, как и раньше.

– Кто-нибудь, толкните товарища. Слишком громко храпит.

Никто не шевельнулся, Тузов и остальные захихикали. Рамис швырнул комок бумажки, но Шуля никак не отреагировал.

– Ну? Разбудите его!

– А зачем? – спросил Тузов. – Хай дрыхнет!

Улыбка на лице Марии Владимировны померкла. Учительница замерла в нерешительности, а Шуля спал взаправду, выхрюкивая рулады.

Вот преподаша возле его парты. Все разом затихли и теперь следили за ней.

Двадцать восемь пар выжидающих глаз.

– В натуре, лучше не трогать, – прошептал Вовка. – Спал бы себе...

– Отвали, – махнул рукой Шуля. Потом он выпрямил спину, потянулся и зевнул. Мария Владимировна отшатнулась. Взгляд Шули сфокусировался на ее бюсте. Рот так и остался приоткрытым.

– Гхы, здрасте, – Шуля улыбнулся.

– Доброе утро. Почему спим на уроке?

– А чего еще делать?

– Где учебник, тетрадь? – она уперла руку в бок.

– Нету, – продолжал тянуть лыбу Шуля. – Нафиг она?

Этот вопрос вызвал бурный смех. Шуля своеобразно скрестил руки на груди – ладони засунул в подмышки. Гогот стих, щеки у Марии Владимировны чуть порозовели.

– Чтобы учиться.

– А я на слух лучше запоминаю. – Он повернул голову к приятелям. Подмигнул Тузову и еще раз окинул липким, оценивающим взглядом фигуру учительницы. Присвистнул и поджал губы. Снова многие засмеялись.

– Так вы у нас теперь будете вести?

– Да. Обществознание и историю.

– Какая история! – Реплика снова вызвала веселье. – Круто. А от меня вы что хотите?

– Хотя бы храпи потише. А если предмет не интересует, так можешь уходить. Я никого силком тут не держу.

– Силикон? – переспросил Шуля, осклабясь. – А я думал, настоящая...

Что тут началось! Конец света. Мария Владимировна побагровела. Турка не смеялся, а остальные просто умирали. Шарловский в экстазе колотил башкой о парту. Близнецы хихикали, девчонки во главе с Воскобойниковой хохотали. Серьезность и отстраненное выражение лица сохранял Асламов. Он еще и учебник листал.

Когда смех стих, учительница ответила:

– Ты настолько глуп, что не знаешь простейших слов? Или глухой? Если и дальше будешь храпеть, я найду, чем тебя заткнуть.

Тузов с компанией загудели и заулюлюкали. Шуля бросил в их сторону быстрый взгляд. Ухмылка сползла с его лица, а взгляд прояснился.

– Не одна ты можешь затыкать.

– Мы на «ты» теперь? – поинтересовалась Мария Владимировна.

– Я говорю, что могу сам заткнуть тебя, если потребуется, – презрительно бросил Шуля и тут же получил пощечину. На его щеке расплылась бордовая пятерня. – Ну, и чего? Дура, что ли, блин...

Мария Владимировна задрожала. Что-то хотела сказать, но развернулась на каблуках и, чуть покачиваясь, прошагала к учительскому столу. И стала глядеть в окно, опершись о подоконник.

У нее тряслись плечи.

Глава 2

В челюсть

Задребезжал звонок. Ребята повскакивали, ножки парт заскрежетали по паркету. Шуля медленно поднялся, по-свойски кивнул учительнице и вразвалочку побрел к выходу. По дороге дал подзатыльника Пете Русакову, а тот резко развернулся и, увидев кто перед ним, подал руку для приветствия. Шуля, не глядя, шлепнул по протянутой ладони.

– Ты чего? На перемену пошли! – позвал Вова.

– Пошли, – Турка кивнул, не сводя взгляда с учительницы. Она не плакала, теперь уже листала классный журнал. А Воскобойникова дожидалась, пока она сделает нужные пометки.

Вышли в пыльный коридор. Пол блестел, пахло мастикой и краской. Тут и там виднелись черные полосы от обуви, пыльные следы.

Турка, как и многие, ходил без сменной обуви. Дождя нет, сухо...

Стены тошнотворные – и не желтые, и не зеленые. Как сопли. И батареи тоже выкрашены. Сидеть на радиаторах запрещается, но всем пофиг. Когда начинаются дожди и холода, милое дело погреть задницу на батарее.

Потолки побелили. Такое чувство, будто просто воду размазали, тут и там остались разводы. Паркет мастикой натерли, пока еще кое-где блестит, ну и пахнет она крепко так.

– О, дружка нашел, – бросил Тузов. Однако, как и остальные члены банды, поздоровался с Вовкой.

Крыщ – армянин, зовут его Андраник. Тузов – переросток с квадратным лбом. Несмотря на угрожающий вид, огромные волосатые кулачищи, широкую бочонкообразную грудь и выпяченную вперед челюсть с кривыми зубами, он все-таки не без толики разума. Именно он – теневой лидер банды.

Ну и Рамис-дагестанец, они с Крыщом всегда лезли в самое пекло. За любой брошенный в их сторону косой взгляд или неправильное слово следовали унижения жертвы и/или избиение.

Ближе к концу прошлого года Турка решил взяться за ум. Восьмой класс удалось закончить без двоек, а математику и вовсе до четверки дотянул, с помощью Вовки.

Из школы Турка собирался свалить после девятого класса. Пока еще неизвестно куда, но подумать время есть.

Турка гулял раньше с Шулей, они толпой ходили. В школе он держался в стороне от коалиции Тузова – Крыща – Рамиса, сохранял товарищеский паритет.

– Шуль, ты с ходу за новенькую взялся? – сказал Турка, пожимая Шуле руку.

– А чо? – Тот пригладил сальные, чуть выющиеся лохмы. – Приколол, туда-сюда. Думает, самая умная, курва. Лан, пойду мелочи стрясу в столовке...

По коридору лилась толпа, и из нее вырулил Рамис. Он снял оправу с носа какого-то ботана, а Крыщ тем временем ткнул Вовчика кулаком в живот.

– Ты чего? – сказал Вова.

– Да так, разминаюсь. А ты против?

– Оставь, Крыщ, – поморщился Турка.

– Слышь, – Тузов прочистил горло и сглотнул. – А ты за него пишешься, что ли, теперь? Да отдай ты этому чудиле очки, ау! – Рамис косо нацепил очки на ботана и отпустил того с пинком под зад.

– Не пишушь, хренью не страдайте просто.

– Не, подожди. Значит, ты с ним на одном уровне теперь, да? – губы у Тузова презрительно скривились. – Ты в ботаны записался?

– Даже если и записался – тебе не пофиг? – Турка выдерживал взгляд серых, спокойных глаз. Кажется, кто-то другой сидел внутри Тузова и дергал за ниточки, как марионетку. А он говорил то, что нужно этому «кому-то», двигался по его указке.

– Чо ти так базариш? – влез Крыщ.

– Ты вообще не лезь, – бросил Турка.

– погоди, Андраник, – Тузов облизал губы. – Он нам не нравится. Если ты с ним – ты тоже нам не нравишься, Турик. Понял?

– Все, давайте, – Турка поморщился и, разорвав полукольцо (двинул плечом Крыща), пошел в сторону кабинета математики.

Вовка шагнул следом, но ему преградили дорогу, а Крыщ дал под дых.

– Я с тобой не договорил еще! – крикнул Тузов.

– А я договорил.

– Мож на школке выйдем, на разы?

– С тобой? – Турка развернулся. Драться он умел, но знал, что против Тузова вряд ли выстоит. – С инвалидами не махаюсь.

Тузов вспыхнул, сжал кулаки-молоты. Дело в том, что еще классе в пятом он свалился с пожарной лестницы, с высоты третьего этажа. Сломал левое колено, обе лодыжки, порвал мышцы. Срасталось это дело год, еще год он вяло телепал на костылях, а школьную программу проходил на дому.

В итоге Тузов снова потихоньку начал шагать без костылей, вернулся в школу. Сначала был тихим, себе на уме. Подозрительным. Но сразу видно было, к какой касте принадлежит. Вскоре начали играть в футбол класс на класс, ну и его тоже пригласили.

И неуклюжий, как медведь, хромой Тузов с ходу стал столпом обороны.

Турка знал про его слабое место. Кости со связками у Тузова уже срослись, а душевная рана так и не затянулась.

Как ветхий дед Турки. Сам еле ходит после инсульта, мычит что-то, через каждое слово вставляет «б...ь», права качает.

– Ну? Ссышь, с инвалидом-то?

– Да он тебя разнесет! Ха! – встрял Рамис.

– Понял, – улыбнулся Турка. – Ты хочешь еще пару годиков от учебы отдохнуть.

Рамис тем временем прочистил горло и смачно харкнул в самое лицо Вовчику. Тот отпрянул назад и смахнул подтек. Банда загготала.

Щеки у Вовки покраснели.

Опять задребезжал звонок. Более настойчивый, чем с урока, долгий. Захлопали двери, коридор опустел.

– Теперь с чмырем будешь общаться? – хмыкнул Тузов.

– Вот лох! – Рамис и Крыщ покатывались, хлопая друг друга по плечам. Мимо с вытянутым лицом прошел Русаков, следом за ним – близнецы Водовозовы.

Вовка побледнел и дрожал.

И вдруг вмазал Рамису. Тот дернул головой и стек на пол – ноги сразу подкосились. Раскинул руки в разные стороны, из носу побежала кровь.

Какая-то девчонка завизжала. Откуда ни возьмись, взялся географ, он присел и стал похлопывать Рамиса по щекам.

Лицо у Вовки позеленело, и теперь он сливался со стенами, как хамелеон. И трясся.

Рамис все-таки встал. Кровь залила подбородок, герб и часть зелено-сине-красного флага на майке. Рамис запрокидывал голову и зажимал нос пальцами, хотя на ОБЖ говорили, что этого делать ни в коем случае нельзя, кровь лилась прямо как из цистерны, и продолжать

драку он не смог бы в любом случае. Да, видно, и удивился – побрел прочь по коридору. Турка кинул взгляд на Вовку, а Крыщ сказал:

– Тебе кришка, понил? – и побежал догонять дружков.

– Круто всадил, – присвистнул Турка. Вова растерянно кивнул. – На матешу идем?

– Может, домой? – промямлил Вова. Лицо стало серое, и он весь трясся. Мимо прошла стайка девушек во главе с Хазовой, Слютиной и Воскобойниковой. Они покосились на парней и зашептались.

– Да вон уже Мочалка идет.

– Блин, как же мы... Они ж меня убьют! – взмолился Вова.

– Ничего. Я что-нибудь придумаю, – отмахнулся Турка.

– Я и не собирался его бить, рука сама пошла!

Любой нормальный пацан должен отвечать, если харкнули в рожу. И это же была открытая провокация!

Зашли в класс, уселись на то же место. Разве что здесь планировка другая: дверь возле доски, рядом с ней – первая парта третьего ряда. Учительский стол-бульдозер в том же месте. Полированная столешница прикрыта толстым стеклом, под ним всякие бумажки, картонные прямоугольнички календарей и записки.

Последний урок. Как же неохота сидеть на матеше, особенно после обществознания! А Мочалка уже целую кучу всякой дряни задала, написала сбоку на доске. Турка наказывал в тетради число.

Вова выложил бордовый учебник алгебры, первую часть, вытащил новенькую тетрадку с Уэйном Руни. Поглядел на Турку и кисло улыбнулся.

– И что теперь? Ты точно придумаешь что-то?

– Ага, не боись.

Зашла Дина Алексеевна. Светло-каштановые пряди волос с сединой, как пушок одуванчика на ветру. Круглые глаза навывкате, морщины, штаны у кармана в меле, губы подведены помадой морковного цвета. Никогда Турка не понимал, зачем старухи пользуются косметикой, отвратительное зрелище.

– Начинаа-еем наш у-урооок, – протянула Мочалка скрипучим голосом. От него Турку всякий раз брало уныние. Как-то поставили сразу четыре урока математики. Все чуть с ума не посходили, а Мочалке хоть бы хны. – Вы не забыли, что у нас ГИА-А?

– Прямо сейчас? – спросил Ваня Проханов. По классу прокатился смех.

– Нет, Ванечка, в конце года. А прямо сейчас у нас многочле-ены!

– Члены! – выкрикнул Вол и противно захихикал. Дина Алексеевна взяла со стола растрепанную книжечку, Воскобойникова подала математичке журнал. Та села за стол, посплюнула палец и принялась листать страницы. Класс потихоньку начал шушукаться.

Матеша – один из немногих предметов, где хоть какая-то дисциплина. Хотя если Мочалка выходит в коридор, начинается обычная песня. Бумажки, драки, выбрасывание из окна портфелей.

Самая милая забава – выкинуть чей-нибудь рюкзак. Обычно сбрасывали вещи Муравья. После он убегал и не ходил в школу пару дней.

Дина Алексеевна действительно похожа на растрепанную, древнюю мочалку, которую рука не поднимается выбросить. Вроде бы уже невозможно пользоваться, и куски войлока отваливаются или там поролон, а ее все хранят.

Мочалка закончила заполнять журнал, и, нацепив на мясистый нос очки со стеклами-половинками, деловито напомнила:

– Ребята, у нас ГИА. Вы хоть понимаете? Сложнейшие тесты, никакой помощи на экзамене. Никаких мобильных и даже калькуляторов. Боже упаси вас притащить шпаргалки. Да за это сразу выгонят! – она заходила вдоль доски. – Мы должны за полгода пройти про-

грамму – господи, да что там проходить? И уже с марта начнем подготовку к Государственной Итоговой Аттестации. Будем разбирать тесты за прошлый год. В этом же году будут совершенно другие. Они приходят в запечатанном виде, доступа к ним нет. Так, и кто же мне скажет, что такое многочлен? Какой способ решения мы разобрали на первом уроке? – она оглядела безмолвные ряды поверх очков.

– Члены! – снова выкрикнул Вол.

На этот раз почти никто не отреагировал. Кто вообще думает об экзаменах в первую неделю учебного года?

Кто-то из ботанов с грехом пополам ответил на вопрос. Дина Алексеевна снова начала твердить про план, про контрольные, про геометрию (вот что Турка никогда не понимал и от всей души ненавидел), снова про экзамен, начала вспоминать прошлый год... Самый верный способ оттянуть начало занятия – это спросить у Мочалки про ГИА. А потом только и успевай поднимать голову, чтоб не заснуть.

Турка не думал, что девятый класс будет таким уж сложным. Сдает же как-то народ эти экзамены, значит, серьезных проблем не будет. Вон Вол вообще сидит и режет раскатанную в колбаску жвачку на кусочки.

Вот так и надо жить, без особых тревог и забот.

Потом Мочалка вспомнила о перекличке, отметила отсутствующих и продолжила рисовать всякую дребедень на доске. Вызвала Шарловского, тот что-то начал мямлить, найти корни многочлена не смог и сел на место с двойкой.

Затем вышел еще кто-то, еще...

Турка думал о Коновой. Хорошо бы проводить Ленку после школы, узнать, где она живет. Или просто взять у кого-то из девчонок номер и позвонить?

Ну нет. Начнут шептаться, слухи – дело такое. Неохота как-то, чтоб все знали. Вот и про саму Лену говорят всякое: то она ни с кем не разговаривает и парней презирует, то она дает каждому встречному.

Воскобойникова чешет, что Конову *это-самое* двоюродный дядя. Что ж, всякое бывает, но Турка не верил. Позавчера Ленка пришла в белой обтягивающей маечке. Собирала волосы в хвостик, руки подняла, и Турка увидел мельком подмышки. Сероватые, выбритые и с прыщиками раздражения.

От этих мыслей и сейчас появилось напряжение в штанах.

В дверь постучали, на пороге появилась целая компания: Тузов, Крыщ, Рамис – с ватками в носу – и прочие.

– Дина Алексеевна, можно?

– Где это вы были? – Мочалка поглядела на них поверх оправы.

– В медпункте. У Рамиса кровь пошла.

– Кро-овъ? Так может тебя домой отпустить, Сулейманов?

– Я посижу, нормально, – ответил Рамис. Глаза блестели. Он поглядел на Вовку, а тот продолжал изучать параграф учебника. Турка внимательно следил за лицом Тузова, но ничего не мог по нему прочесть.

Тузов поглядел на портреты математиков – их тоже целая куча висит на дальней стене класса. Перевел взгляд на Дину Алексеевну:

– Так мы зайдем?

– Заходите, ребятушки. Я вам «энки» уже поставила, ну ничего. Корегой замажу.

Близнецы приглушенно захихикали. Вол тоже заржал, и под шумок швырнул в Русакова катышек жвачки.

Проходя мимо, Рамис пихнул Вована и провел ребром ладони по горлу. Тот сделал вид, что не заметил, и вытащил мобильник. Поерзал и запрятал трубку обратно в карман.

– Пол-урока осталось, – прошептал он. – Ты что-нибудь придумал?

– Хочешь, можем выйти через зимний вход. Попрошу бабу Лелю, она откроет. Наверное.

– Нет, ну допустим, мы сейчас соскочим, – горячо зашептал Вован, – а дальше? Ты... Они ведь твои друзья?

– Бывшие, – после паузы ответил Турка. Ему было тяжело признаться в этом даже самому себе.

Наступил такой момент, когда надо думать о будущем и взрослеть. Дело даже не в экзаменах и учебе, просто он видел, куда подобная дорожка приводила старшаков.

Те, кого пока не посадили, воровали или грабили. Кто-то начинал колотиться. Девчонки из таких компаний давали всем направо и налево, заболели какой-нибудь дрянью или беременели никому не нужными детьми.

Уличные гулянки, мелкие кражи, водка, «районы», «стрелки». Чей-то крепкий кулак случайно не рассчитывает силу. Кто-то в пылу ярости выхватывает нож...

Кто-то, как например Рыков, падает на асфальт после удара трубой, и из трещины в голове сочится желтоватая губчатая субстанция, липкая как кисель.

Когда Рыкова выписали из больницы, даже самые близкие друзья не могли узнать в тщедушной фигурке своего приятеля. Он качал головой, что-то бормотал и весь трясся, а на нижней губе у него теперь всегда висела паутина слюны. Овоцем стал.

Турка поднял взгляд на доску, в задумчивости почесал нос с горбинкой. Ему вдруг захотелось переместиться на год вперед.

Может быть, тогда он уже поступит в колледж при ДГТУ или еще куда-нибудь, найдет себе девушку – такую, как Конова, может, даже лучше.

Вовке в затылок врезалась бумажка. Он потер макушку и подобрал с парты клочок. Сырой ком бумаги, с тошнотворной начинкой «зеленца». Вова с дрожью отбросил ком, а Дина Алексеевна ничего не заметила.

– Вот ослы, – пробормотал он и добавил срывающимся шепотом: – Вам же не понял, как решать эти многочлены. Когда, она сказала, контрольная? В пятницу?

– Ага, – отозвался Турка. – Ты не бойсь, через зимний вход выйдем.

– Да нет. Я думаю, не стоит убегать. Буду драться. Лучше пусть сразу побьют, да и все.

Турка промолчал. Конечно, это выход. Лучше, чем просто убежать. Потому что иначе все продолжится завтра. Да и на улице Вову могут подстеречь. Не будет же он днями сидеть дома. Драться – самый лучший вариант.

Прозвенел звонок, и все посрыгивали с мест, наперегонки засовывая тетради в рюкзаки, закидывая ручки и учебники. Все радовались окончанию очередного учебного дня, а Вовка был бы не против отсидеть еще одну матешу. Он так и остался бледно-зеленым и чуть сдулся, как пробитый шарик.

Не успел он встать со стула, как его настиг удар. Рамис прыгнул и прямой ногой врезал в район печени.

Вова рухнул между партой и стеной, чуть не напоровшись на крючок для портфеля глазом.

– Что такое? Эй, ну-ка выходите! Рамис, Сережа!

– Извините, Дина Алексеевна, я нечаянно, – отозвался Рамис. Вовка тем временем встал, растирая поясницу. Тузов подмигнул Турке, и вся компания, ухмыляясь, вышла в коридор.

– Что это они? Ну и шутки, – нахмурилась Мочалка, снимая очки. – Ребятушки, а кто дежурный сегодня?

– Ну, мы можем, – выдавил Вова. – Только стулья задвинуть?

– Бумажечки соберите, подметите. Совочки-венички знаете ведь где? Ну и с доски сотрите... И тряпочки вымойте.

Турка вздохнул. Попали на дежурство. Вообще-то он никогда раньше не дежурил. Это ж для лохов.

– Вот козлы близнецы! Они же сегодня вроде дежурные... – пробормотал Вова.

Открыли окно. Сквозь серый заслон туч проглядывает солнце. Хороший денек, хотя чувствуется уже, что лето безвозвратно уходит. Но в сентябре еще обычно тепло, а вокруг школы тополя, тополя...

Турка с Вовой переворачивали стулья и ставили их на парты. Конечно, с обратной стороны сиденья были сплошь залеплены жвачками.

Последней из класса вышла Воскобойникова с журналом. Она терпеливо ждала, пока Дина Алексеевна заполнит его, и не обращала никакого внимания на дежурных. Высокомерная, как Снежная Королева. А какая родинка над губой...

Вовка морщился, замечая на треснувший оранжевый совок катышки жвачки и жеваную бумагу, перемешанную с колтунами девчачьих волос.

– Спасибо вам, ребяташки. За-а-кругляемся. Чистенько все, прекрасно! – хвалила Дина Алексеевна. Турка считал, что чище вообще не стало. Воняло еще в классе, старческий такой запах.

Пацаны молча вышли в пустой коридор. Турка шагал и чувствовал, как желудок колет изнутри ледяное крошево. Ладони чуть вспотели, и ноги какие-то ватные.

Турка не боялся драки. Куда проще самому получить в морду, чем смотреть на то, как твоему товарищу напихивают по самые помидоры.

Глава 3

Хочешь, я...

Турка и Вова были не разлей вода в начальной школе. Лет эдак в двенадцать-тринадцать Вове купили компьютер, и он практически перестал гулять, а Турка тем временем пропадал на улице с новыми «друзьями». Пили, развлекались.

Как-то раз угнали машину – старенькую «Таврию» одного сумасшедшего дедка. Он на ней практически и не ездил. Разбили окно и завели с толкача. Кучу столбов пересчитали. Турка иногда вспоминал безумную ночь: крики, скрежет, разбитая фара кромсает на куски темноту.

Поездили так, машину сначала подожгли, а затем скатили в Темерничку. «Таврия» похлюпала, почавкала и все-таки пошла ко дну.

– Ну что, готов? – спросил Турка.

– Блин, там толпа собралась. Махач пойдет, да? Ладно, я ему пару раз врежу. Достал... Чо он, драться умеет? Так, только кулаками махать. А я на борьбу ходил немного, и на бокс.

– Сколько ходил-то?

– На борьбу три месяца. На бокс чуть побольше. Зуб выбили, вот и перестал.

– Ясно.

В вестибюле баба Клава шаркала в своих обычных лаптях и разноцветных шерстяных носках. Она всегда в них ходит – сентябрь, Новый год или май уже на дворе. Бледно-голубой застиранный халат, косынка, на лице куча крупных бородавчатых родинок и целая карта морщин.

– Ходют и ходют... Вот и вы без сменки! Я запомнила вас, завтра не пущу!

– Да мы со сменкой, – ответил Турка. Под школой и впрямь собралась внушительных размеров толпа. Баба Клава продолжила что-то говорить, размазывая по паркету лужу грязной тряпкой.

Как обычно, ходили туда-сюда малые с огромными ранцами, группки пацанов чуть постарше что-то обсуждали. В пыльном воздухе висел шум и гам. Вовка чихнул, и глаза у него покраснели.

Тузов с компанией поджидали сбоку от входа, возле трансформаторной будки. Двор вроде как собираются полностью окружить забором, обещают нормальную площадку на заднем дворе. Даже резинку постелят хорошую – так директор сказал.

Трансформаторная будка и угол фасада школы образуют угол, за которым курят, там же и ссут. Вонь соответствующая – резкий запах затушенных мочой окурков.

– О, вот они! Мы уже думали, что вы ночевать там остались, голубки! – прокричал Тузов. Остальные засмеялись. Турка с Вовой подошли поближе, банда стояла прямо рядом с трансформатором. Он противно гудел, будто улей, полный механических пчел.

Турка оценил обстановку: там кучка людей, там тоже ребята. И хотя все делают вид, что никак не заинтересованы в происходящем, сразу видно – ждут. Словно зрители на трибуне римского Колизея, того, из кабинета истории и обществознания.

Каждый вдох все сильнее сушил глотку.

Турка завесил лицо ответным оскалом, Вовка уныло плелся позади него.

– К тебе вопросов нет, – прищурился Тузов. – Можешь валить, если зубы дороги.

– Ты мне не указывай, что делать, – сказал Турка. – Надо будет – уйду. Вы толпой на одного пойдете небось?

– А если и толпой? – прищурился Тузов. Шуля стоял тут же. Он покуривал и лениво цедил слюну сквозь щель в передних зубах. Вдруг Турка понял, что посторонние голоса

стихли, и теперь слышно, как шуршат листвою тополя. Всякие знакомые из параллельных и старших классов повыползали, как черви после дождя. Многие потягивали сигареты и поглядывали в их сторону, ожидая зрелища.

Всем было интересно.

– Рамис харкнул, Вован дал сдачи. Пусть решат это в честном махаче, на разы выйдут. Толпой гасить не по-пацански.

– Слышишь, – скривился Рамис, – ты ваще вали отсюда.

– Да ты ссышь просто, – прищурился Турка. – Вован тебя уроет.

– Ну, погнажи, чо базарить, – Рамис размял шею, подергал плечами и принял стойку. Попрыгал на месте. Тузов, Шуля и Крыщ одобрительно заржали.

– Прямо под школой, что ли? – спросил Вова слабеньким голоском.

– Да! Давай, очкун.

Вован сжал губы в нитку и скинул в пыль рюкзак. Мешок, набитый книгами, грузно рухнул на асфальт. Вова сделал шаг вперед и тоже принял стойку, чуть согнулся и втянул голову в плечи.

«Не стоило Вовке бросать бокс», – подумал Турка.

Бойцов мигом обступили кругом, все начали давать советы, материться и гоготать. Первым несколько выпадов сделал Рамис. Бил сбоку, как-то наотмашь, вскользь попал по лицу Вове, у того дернулась голова, а вместе с ней и каштановая шевелюра с пылинками перхоти.

Рамис засмеялся, оглянулся на своих, и в этот момент Вова бросился вперед и врезал Рамису в переносицу.

Послышался треск.

Дагестанец вновь обзавелся красным фартуком. Однако не упал, а рванул на проход в ноги. Сцепил руки чуть ниже пояса Вовки в замок и бросил борцовским прогибом. Капли крови смешались с песочной пылью и стали черными.

Турка вздрогнул, когда Вовкина макушка встретилась с ребристым асфальтом.

Толпа восторженно закричала. «Добивай, добивай его!», – кричал кто-то. Тузов ухмылялся. Вова пытался извернуться, но шею давил замок локтевого сгиба. Вовка покраснел, стал задыхаться и сучить ногами.

Глаза полезли из орбит, губы вспухли.

И тут, когда Турка уже хотел вступить, Вовка вгрызся прямо в мышцы противника. Рамис сначала не понял, что происходит.

Потом заорал.

Турка увидел кровь, с которой жестко контрастировали желтоватые зубы его приятеля. Если бы Вова смог укусить сильнее, хватка его противника ослабла бы, но Вова уже потерял силы, а Рамис, напротив, разбуженный неожиданным отпором, сдавил ему шею еще крепче.

Вова закатил глаза. В полоске век между ресницами мелькнул белок.

– Хватит! Задушит ведь! – Турку никто не услышал. Тогда он рванулся разнимать дерущихся, а Вова тем временем икнул. Его тело обмякло. Рамис принялся добивать противника. Беспорядочные удары сыпались, как горох из дырявого пакета – в нос, в челюсть, в глаз, снова в нос.

– Нет! – выкрикнул Турка, а его перехватило несколько цепких рук. Он вырывался, а Рамис продолжал бить – не человека, а мягкую, податливую куклу.

Послышался девчачий визг. Турке откуда-то прилетел тяжелый удар, и окружающие предметы и фигуры потеряли цвет и расплылись, будто некто убавил резкости, покрутив регулятор настройки. Он стоял на четвереньках, и в голове шумело.

Рамис встал, отирая кровь. Крыщ встал рядом с распростертым телом Вовы, широко расставил ноги.

Прозвенел звонок. Вторя ему, в воздух взвился негодующий женский крик.

Рамис успел лишь совсем немного сбрызнуть одежду Вовчика, хотя явно целил на лицо.

Из школы выскочил охранник, следом баба Клава со шваброй и Анна Имильевна, она же Анка – классный руководитель девятого «А». Спешил географ, высоко поднимая колени. Так на физ-ре бегают, с высоким подъемом бедра.

Тузов и компания бросились врассыпную, кто куда. Турка растянулся на асфальте, лишившись опоры. Мир качался из стороны в сторону, школа вдруг выросла сплошной стеной.

Она уперла руки в бока и ухмылялась, ухмылялась...

* * *

Вова сидел на кушетке, чуть откинув голову. Из носа у него торчали красноватые комки ваты. Лицо умытое, все в свежих ссадинах. Под глазом припухлость – позже она вырастет в ядреную гематому.

– Драка, значит. А кто ж зачинщик? Вишь, повелся с этим, – медсестра кивнула в сторону Турки, – вот и получил свое! Голова не кружится? Грелку сейчас дам ледяную.

– Вроде не кружится. Можно, мы посидим немного и пойдем? Не надо грелки.

– Как не надо? – Таблетка вытаращила водянистые зенки. Турка подумал, что ее глаза, похожие на шарики для пинг-понга, сейчас вывалятся из орбит и покатаются по паркету. – Ишь, грелку не надо. Героя корчит!..

Медсестра еле помещалась в небольшой комнатушке. Кушетка, широкий подоконник, заставленный пыльными склянками и коробочками лекарств, само окно – пыльное, в потеках и каплях, но зато повесили новенькое жалюзи. Еще шкафчик с какой-то дрянью, с папками и амбарными книгами, пара горшков с цветами. Стол и кресло – на нем и восседала Таблетка.

Когда-то всем делали прививки от гриппа в принудительном порядке, и Турка заболел, на месяц слег.

А одному пареньку вроде бы занесли в кровь дизентерию, что-то такое. Малолетке, из третьего класса. Хотя, может, это враки.

– Ты как?

– Нормально, – слабо отозвался Вовка. – Пошли отсюда.

– Мы пойдем, правда. Не надо грелок.

Таблетка даже не услышала. Она продолжала скрипеть шариковой ручкой. Та скользила по бумаге, оставляя за собой каракули.

Ребята неслышно выскользнули из медкабинета. Турка тащил рюкзак Вовки. Сам он носил в школу только лишь тетради, ведь всегда можно подсесть к кому-то, у кого есть учебник. В девятом классе нормальному пацану несолидно ходить с туго набитым портфелем. Свою папку с тетрадками Турка обычно закидывал в рюкзак товарища.

После побоища поднялось подобие бучи. Учителя помогли мальчишкам встать, отвели к Таблетке. Задавали вопросы, пугали детской комнатой милиции.

«Сколько это будет продолжаться? Вы в своем уме?»

Классная сказала, что так, мол, и надо:

– По делу получил, Артур. А за тебя, Вова, обидно. Хороший же мальчик!..

Вся правда в том, что никто не знает, что будет завтра. Люди вообще мало что знают, еще меньше понимают и только языками молотить и любят. Турка осознавал это, но словами бы выразить не мог.

И вот все смолкло, как будто ничего и не произошло, остались только пустые тихие коридоры. Так всегда и бывает.

Школьники из первой смены давно разошлись, вторая смена скучала на уроках. Учеба шла своим чередом.

– Пошли провожу, – буркнул Турка, когда они с Вовкой вышли из школы. Солнце светило по-прежнему ярко, стало еще теплее.

– Уроды... – нервно хихикнул Вова. – Козлы. Ну ничего... Всем отомщу. Хватит, натерпелся. Теперь такого не будет. Клянусь!

Турка молча кивал. Он знал, что если ты сразу не поставил себя, как надо, то потом тяжело выпутаться из-под гнета, заставить принять тебя без клоунской раскраски мальчика для битья, ботана... Это масти, как в армии, в тюрьме. И как во взрослой жизни.

Маски, которые прикипают намертво.

Нужно бить сразу, сразу доказывать силу. А если дал слабинку и позволил шпынять себя... Возврат невозможен.

Вова продолжал что-то говорить, махал кулаками после боя. Турка его не слушал и думал о Тузове. Каков хмырь! И что у него за заскок случился?

Но теперь Турка понял, что и для него пути назад отрезаны.

Частный сектор. Ребята пошли по улице Джапаридзе, свернули на Окраинную. Тут везде домишки одноэтажные, встречались и саманные, с прогнившей крышей. Вова живет недалеко от школы, вот уже и пришли.

Из-под ворот визгливо залаял пес. Вылезла косматая башка с оскаленными зубами. Вова отпрянул назад, а Турка, недолго думая, ткнул в морду псине кроссовкой.

Шавка взвизгнула и скрылась.

– Проклятые соседи, Сомовы, – сказал Вова. – Не следят за своими псынами. Отец их из воздушки стрелял, я кирпичи швырял, а они продолжают к нам лазить. Приколи, идиоты: самим жрать нечего, и целую свору держат!

– Может, как раз их и хавают? – предположил Турка. – Щашлик жьрят, да?

– Детей тоже целая куча... Что ж, они, по-твоему, и их жрут?

– В школе никто из детей не появляется, – пожал Турка плечами, и пацаны засмеялись. Стало как-то полегче.

– Давай уж рюкзак. Блин, я вообще про него забыл!

Турка передал рюкзак и потянул молнию:

– Сейчас, папку заберу. Ладно, давай! Мож вечером заскочу.

– Зайти не хочешь? Поиграли бы, это самое...

– Да не, что-то неохота уже.

– Ага. Ну, пока. – Они обменялись рукопожатиями, и Вова, накинув одну лямку рюкзака на плечо, стал возиться с калиткой.

Скрипнули петли, звякнула задвижка. Турка побрел домой.

* * *

Турка сделал на брусках шесть подходов, постепенно спускаясь от тридцати пяти повторений. В шестом подходе получилось сделать всего лишь двенадцать раз. Поподтягивался – тоже шесть подходов, примерно по четырнадцать-пятнадцать раз. Лучшим результатом на перекладине Турки было двадцать три раза, так себе результат. Бруска намного легче даются.

Он здорово вспотел и устал. Даже майку скинул и подставил смуглую кожу солнечным лучам. На плечах уже начинают вылезать прыщи и угри, летом не было. Стоило поторчать на уроках, вспотеть несколько раз в пыльных кабинетах, и сразу сыпь.

Он немного посидел на пеньке возле турников, отдыхая. Хорошо. Во время тренировок все проблемы отходят на второй план. А после повышается настроение, и минут на десять будущее представляется безоблачным и счастливым.

Потом магия пропадает. Снова видишь покосившиеся домишки и хмурые лица, снова мерзко на душе.

Они ведь, можно сказать, опустили Вована. Он, когда в себя пришел, то сразу понял. Почувствовал запах.

– Привет. Занимаешься? – послышался хриплый голос. Турка вздрогнул и обернулся.

– А, испугала. Привет, Ларит.

– Курить есть?

– Да я бросил.

– Кому ты чешешь! – засмеялась девушка. Турка только сейчас разглядел темно-синие круги под глазами.

И как похудела! Руки-веточки, ноги тоненькие, скулы выпирают из-под кожи. Одета в потертые джинсы и короткую, всю в пятнах маечку. Под ней не угадывались чашечки и бретельки лифчика, грудки выпирали, а кожа на шее была в пупырышках.

«Морозит ее, что ли», – подумал Турка.

Раньше она ему даже нравилась, а сейчас... похожа на малолетку, нацепившую мамины тряпки. Тусклая как мумия, губы сухие и с трещинками.

– Правда, сигарет нет.

– А деньги? Мне очень надо, – Ларита затравлено глядела на Турку. – Займи, а! Рублей двести...

– Может тыщу сразу? Да нету у меня!

– Хотя бы полтосик дай. Хочешь это... Прямо здесь.

– Дура, что ли? – скривился Турка. – За полтос!

– Ну, мне очень н-надо!..

– На что?

– Так... Нужно! – ее пробил судорожный озноб. Как при высокой температуре. Турка встал и смахнул со лба пот. Кожа на лице девушки просвечивала синевой, в глазах плескались чернильные кляксы.

– Ларит, не грузи! – Тогда она медленно, словно зомби, взялась за низ майки, глядя куда-то вдаль, сквозь Турку. Взяла пальцами подол с двух сторон и потянула вверх.

Открылся вид на задорно торчащие грудки. В пупырышках из-за ветерка, совсем небольшие, но неожиданно привлекательные.

– Вот, – Ларита закашлялась, глядя по сторонам. – Нормал? Дай сотку, а!

– Нету, – одними губами произнес Турка, пялясь. Так близко голую женскую грудь ему видеть не доводилось. Девчачья раздевалка – в тот раз – не в счет.

Ларита скрипуче засмеялась:

– Ну и иди, передергивай тогда, нищеброд!

И ушла. Турка некоторое время глядел на перекладину турника. От хромированной поверхности отражался свет, и высокое голубое небо над турником казалось таким свежим и чистым, что от него хотелось отщипнуть кусочек.

Турка покачал головой, прочистил горло. Сплюнул в сторону и пошел домой. Бегать на стадионе ему расхотелось.

* * *

Турка заварил кофе и отнес кружку во двор. Подумал и все-таки вытащил из маминой пачки «Альянса» сигарету. Одну штучку он сегодня точно заслужил. А маме врачи запретили

курить, и она перешла на более легкие. Вообще нет смысла: теперь курит больше сигарет в день, вот и все.

Курил он с наслаждением, растягивал удовольствие. С каждой затяжкой мышцы расслаблялись, а голова заполнялась приятной тяжестью. Дышать стало немного легче, из горла ушла мокрота. Не так-то просто бросить курить. Особенно если четыре года впихивал в себя по пачке в день. Турка выпускал дым сквозь ноздри. О школе не вспоминал. Черт с ними со всеми.

Что же произошло с Ларитой? Она на год младше, в восьмом учится. Только была ли она в этом году в школе? По виду не скажешь, что ей есть дело до учебы.

Ларитой успел попользоваться весь район. По слухам, девственность она потеряла в одиннадцать, с каким-то старшеклассником. Потом стала водить в свой сарайчик пацанов – не одного, а сразу двоих-троих. Оставалось только удивляться, как это ей удается не залететь.

И куда смотрели родители? Вроде бы непьющие, адекватные более-менее.

Шуля говорил, что Ларита заразная. Он-то по этой части спец. Турка подавился кофе и закашлялся. Поставил кружку прямо на землю, прочистил гортань, смахнул слезы. Сигарету Турка чуть не докурил, и теперь глядел на дымящийся окурок с неприязнью.

Интересно, курит ли новая учительница?

Как там ее зовут? Мария Владимировна?

Турка вспомнил, как колыхалась грудь под водолазкой училки. Затушил сигарету и вылил в горло остатки кофе.

Что ж, родителей дома нет, самое время снять напряжение...

* * *

В этот раз не потребовались секретные диски. DVD-проигрыватель врубать не стал. Лег на кровать и стал представлять учительницу. Потом Конову. Затем подумал о Ларите, о том, как она подняла маечку. Можно было бы оприходовать ее прямо там – сказал бы, что заплатит потом.

«Заразная же небось», – подумал Турка. И поморщился.

Пальцы обтер о диванную накидку, с изнанки.

После Турка лежал, и по всему телу разливалось блаженное тепло.

Турники – это здорово. От занятий пульсировали и горели ладони. На каждой уже образовалось по пять мозолей и на подушечках пальцев – тоже.

Вовка не был оригинальным. Он шутил насчет мастурбации.

– Хе-хе! От турник-о-ов мозоли, коне-еечно!

Турка только ухмылялся в ответ. Все этим занимаются, чего уж тут скрывать. Стоит ли стесняться? Ну, обычно по этому поводу парятся девственники или те, у кого нет девушки. Турка знал, что часто мастурбировать (выражаясь научным языком) – вредно чисто психологически. Конечно, не ослепнешь, но это дело расслабляет, и ничего после не хочется. Ни гулять, ни девушку искать. У Вована так и вовсе Интернет, и они с Аликом знатоки актрис – обсуждают вечно.

Охота забивать голову!

Алик все твердит, что хочет снять какое-нибудь эдакое видео на свою «Нокию».

Так, размышляя о том о сем, Турка уснул.

Глава 4

Физра

Вовка появился ко второму уроку. Первой была география, и Олег Анатольевич двадцать минут проводил опрос. Каждый вставал и рассказывал абзац из параграфа, подглядывая в учебник.

Мало кто читал дома географию, разве что совсем уж какие-нибудь ботаны. Турка тоже ответил на «четверку», в книгу почти не подсматривал.

Вторая – Мочалка с матешей, третий – русский язык.

Тузов и остальные вели себя так, как будто накануне ничего не произошло. Только посмеивались за спинами Вовы и Турки.

От вчерашней безоблачной летней погоды не осталось и следа. Небо затянули тучи, из них на землю просачивалось что-то непонятное: мелкая распыленная пульверизатором пыль.

Серые стены школы влажно блестели. На ее фасаде красовалась огромная, во всю длину, мозаика, и каждый ее камешек будто был покрыт лаком. Мозаика изображала мальчика и девочку с красными советскими звездами на груди. За ними по пятам неотступно следовало солнце – желтые, оранжевые, красные лучи. Если бы не отстраненное выражение на мозаичных физиономиях и не черные миндалевидные глаза, то можно было бы подумать, что светило хочет спалить школьников живьем.

Отсидели русский язык, потом литературу. Рустам Асламов и Муравей до сих пор читают по слогам. Впрочем, банда Тузова от чтения вслух отказывается, так что неизвестно, получились бы у них лучше или нет.

В прошлом году русский и лит-ру тоже вело ЭТО. Бывшая библиотекарьша. Возможно, она обчиталась книг и решила, что в состоянии работать преподавателем. А может, просто не удалось найти никого другого. Короче, именно эта бабка в толстенных роговых очках, чуть выше табуретки ростом и заменила преподавателя. Левая рука у нее была искривлена, изогнута под нелепым углом – неправильно срослась после перелома. Она так и таскала книги в этом сгибе, выпятив локоть.

Правда, кому нужен этот русский язык и уж тем более литература? Книжки Турка особо не читал. Да и нет их дома. В библиотеку, что ли, идти? Так это для ботаников.

Наконец, физкультура. А историю поставили последней. Так бы можно было сразу идти домой.

– Фигня. Все посвадывают, наверно. Я останусь, мало ли что. Да и на новенькую хочу посмотреть. Блин, какая она классная!

– Сексознание, – хихикнул Турка, но Вовка тут же свел брови. Они пришли в раздевалку первыми и принялись переодеваться. Турка поддел шорты прямо под джинсы, а приятель притащил форму в отдельном пакете. Даже носки взял.

Раздался шум, крики. В дверях раздевалки застряло несколько человек – близнецы, Петька Русаков, Шарловский, Вол – у него моментально покраснела и начала раздуваться голова. Он издавал истерическое хихиканье и отвратительно «скрипел». В спину ребят толкали, и вот целая гурьба людей, словно капельки лопнувшего мыльного пузыря, ввалилась в тесную комнатушку.

Кажется, в третьем классе Петька Русаков напоролся на гвоздь и распорол живот от пупка и до грудины. Крови вытекло целое море. Сам он плакал навзрыд и обделался – от болевого шока, как сказали.

В другой раз в давке сломали руку Березину, и тот ходил с гипсом три недели. В общем, перед физкультурой, особенно если длинная перемена, всегда мутили что-нибудь. Устраивали темную – веселуха еще та.

Всех затаскивали в раздевалку, кто-нибудь держал снаружи дверь. Свет выключали и начинали гасить друг друга – ногами, кулаками. Пинали, толкали. Кто-то прятался, а кто-то вступал в открытую схватку. Суть была в том, что даже самый слабый мог бить сильного, можно было отомстить своему обидчику, и никто бы не узнал.

Хотя у Крыща были свои способы. Он просто разбивал «раму» всем подряд. Стоит класс на построении перед началом физ-ры, Анна Имильевна выйдет куда-нибудь, и Крыщ начинает втаскивать всем по очереди в грудак. Прямо в солнечное сплетение. Кто увернется – получает уже настоящих люлей.

Так, одна из «темных» закончилась для Филимонова сотрясением мозга.

В другой раз в раздевалке подвесили на крючки Касю. Он болтался там какое-то время, пока олимпийка не лопнула.

Турка и Вован с трудом пробились к выходу. Оба были в футбольной форме: первый в нисколько не потускневшей от времени майке «Манчестер Юнайтед», с белой фамилией на спине, второй в полосатой форме «Ювентуса» – сзади желтый десятый номер.

К ним присоединился Русаков. Одет он был в смешные короткие шорты и помятую футболку.

– Фу! Ты че, не стираешь ее?

– М-м, стираю, – отозвался Петя, оборачиваясь на вопли из раздевалки. – Сегодня какой-нибудь норматив сдаем?

– Подтягивания. Ну, Турке опасаться нечего, да?

– Ага, – Турка потянулся и зевнул. «Крылья» после вчерашнего немного побаливали. Да и передние дельты тоже. Фигня, грудь должна болеть, или трицепс на худой конец, а вот поди ж ты!

– Вы на историю пойдете? Эх, домой надо после физры, до-мой!

– Сходим. Ты что, забыл, кто ведет? Фигуристая наша, подружка.

Вова, несмотря на синяк под глазом и царапины, тоже вел себя вполне обычно. А у Турки засел в груди осколок ледышки. Он знал, что Тузов на этом не остановится. Сейчас небольшая передышка, но завтра или послезавтра – в любой момент – он снова что-нибудь выкинет. Не понимал Турка веселого настроения друга.

– Что-то ты кислый. Нормальный день ведь! Чо там, матеши завтра нет? Шикарно! А в субботу первая геометрия?

– Хренометрия, – пробурчал Турка. – Ненавижу. Что родители? Спрашивали насчет фингала?

– Ага. Отец как будто бы обрадовался. Говорит, «я уж подумал, что ты совсем в компьютерном мире увяз». Они же типа с мамой беспокоятся, что я мало гуляю. Фу, как у тебя майка воняет! Врешь же, что стирал!

Подошел толстенький Алик. Он был в белой футболке со значком «БМВ» впереди и надписями на английском.

– Алик, скажи, воняет от Петькиной майки?

– А, у меня нос заложен, – прогундосил толстяк. – Не чувствую.

– Я стирал ее, просто не гладил!

– Ты к подтягиваниям готов? – поинтересовался Вовка. – Или опять руку качал вчера?

– Качал! – расхохотался Алик. – Там такие бабы, ух... С училкой как раз загрузил видео. Эти там придурки, олигофрены – я не знаю – месяц друг друга в раздевалке. Что вчера у вас за тема-то была? Драка, не драка?

– Конфликт, – расплывчато пояснил Турка.

Рядом ошивались одноклассницы, и не хотелось рассказывать подробности при них. Да и вообще об этом толковать было неохота.

Турка поглядывал на зады, обтянутые лосинами самых разных цветов: красные у Кондратьевой, светло-голубые у Слютиной, в полосочку у Ковалевой, зеленые у Хазовой. У Воскобойниковой коротенькие шортики, половинки попы выглядывают из-под ткани. Аппетитные полукружья, загорелые бедра. Летом времени даром не теряла. Но все равно ей далеко до Коновой. Когда Ленка при полном макияже, с густо подведенными до черноты глазами, в свитерке, сквозь крупную вязь которого просвечивается темный лифчик, и в короткой юбке...

Хотя вдруг ее и впрямь изнасиловали, и теперь у нее «психологическая травма». Последнее выражение постоянно повторяет англичанка в группе Турки. Она хороший преподаватель и добрая, объясняет понятно, а если и кричит, то редко и только по делу.

Вряд ли у Коновой травма, иначе не стала бы она так одеваться.

Построились после звонка. Пошли обычные шуточки классной и проверка соответствия формы, а еще каждый предъявлял сменку, точнее, должен был сунуть под нос Анне Имильевне вонючий, пыльный пакет с обувью. На деле переобувались немногие, а она ставила точки, которые потом обещала превратить в «двойки».

– Русаков! Ты жевал, что ли, свою футболку?

– Да она просто из такого материала. Ее нельзя гладить, – ответил Петя. Он стоял в середине строя, рядом с Туркой. Первым стоял высоченная шпала – Батраков. За ним Тузов, потом Уфимцев. Вол и Шуля форму не брали: один был освобожден из-за той-самой-операции, а второй переодевался, только когда хотел. Нормативы даже иногда сдавал.

В строю девочек самая высокая Ковалева. Так себе баба, худая, еще и огромная щель между передними зубами. Вроде как она убегала от Уфимцева, споткнулась и приложилась зубами к мраморной ступеньке. Передние резцы треснули, вывалился треугольный кусочек. Вроде как Уфимцев должен был выплатить ей деньги на восстановление улыбки, но вот так и не сделал этого. Их семья и так с хлеба на воду, какие уж тут зубы?

Побежали по кругу, махая руками, подпрыгивая. Потом гусиным шагом, затем прыжками, как лягушки-переростки. Крыш пнул под зад Русакова, который завалился вперед, зацепил Алика, и тот тоже упал. Анна Имильевна засвистела – на ее массивной шее всегда болтались шнуры: с секундомером, со свистком, с измерительной лентой – для прыжков.

Турке еще с утра хотелось пить, постоянно в горле пересыхало. Но не будешь же из-под крана глотать воду. Пару лет назад во многих школах прошла вспышка желтухи, и вроде бы как говорили, что всему виной грязная вода. С тех пор Турка даже дома пил кипяченую воду.

– Аккуратнее! Асатрян!

Крыш занимался в туфлях. Обувь скользила по крашеному дощатому полу, противно скрипела и оставляла черные полосы.

...Хотя шеи-то у Анки по большому счету не было. Она толстуха, еле в двери проходит. У нее сестра-близнец, и когда-то они действительно были спортсменками, принимали участие в каких-то там этапах чемпионата России по синхронному плаванию. Но теперь они давно замужем и при детях, обрюзгли и разожрались. И вот одна преподает физкультуру в школе, а чем занимается вторая – черт знает. Турка пару раз встречал ее на районе, здоровался, путая с классной руководительницей, и та лишь молча кивала.

Наверное, привыкла, что ученики путают ее с сестрой.

– Теперь приставным шагом!

Все повиновались.

Побегали еще немного, рассчитались на «первый-второй». Турка был «вторым» и сделал по команде Анны Имильевны два шага вперед.

Началась зарядка. Размяли шею, плечевой пояс, таз. Многие смешно вертели задницами. В зале немного потемнело. Тут высокие окна, под стать потолку. До него вообще метров восемь. С наружной стороны окна прикрыты пластиковыми плафонами, похожими на рифленый забор или полупрозрачный шифер, и плафоны эти от дождей и сырости покрыла зеленоватая короста.

Душно. С внутренней стороны от мячей окна защищала огромная сетка вроде футбольной, и свет сквозь такой заслон проходил скверно. Когда ты в зале, невозможно определить, какая погода на улице. Сейчас Турке казалось, что вот-вот хлынет дождь.

Он жалел, что ему достался второй номер, иначе бы понаблюдал сейчас за Воскобойниковой. Она выгибала спину и наклонялась вместе со всеми, выпячивала зад и оттопыривала вперед грудь.

Вспомнил о Ларите. Вовке он вчерашнюю историю рассказал, и тот почти не удивился. Мол, чего ж ты хотел от наркоманки. Турка не поверил. Конечно, Ларита спала со всеми без разбору, но наркотики? Причем Вовка имел в виду вовсе не траву, а именно шприцы и героин. И откуда бы ему знать?

– Теперь сдаем «подтягивание тела в висе на перекладине», – скомандовала Анка и свистнула. – Вызываю по списку.

Пока она ходила за журналом, начали лупить баскетбольный мяч. Шуля со всей дури пробил по оранжевому снаряду с полосками. Мяч врезался точно в лицо Воскобойниковой.

Она упала. Ее тут же окружили подружки-приспешницы. Подняли, отряхнули, и Воскобойникова обвела всех ошалелым взглядом. На щеке у нее расцвело красное пятно. Девчонки тараторили:

– Все в порядке? Алин, ты как?

– Больно?

– Ой, след-то какой!

– Синяк будет!

Узор пупырышков от мяча отпечатался на щеке, пятно расширилось, в глазах Воскобойниковой заблестели слезы. Слютина и Хазова повели ее умываться, а Шуля как ни в чем не бывало продолжил прерванное занятие – он проходил один из уровней в «Гравити». Эта игра была на пике популярности пару лет назад, сейчас все уже про нее забыли, но Шуля вот матюкался на гонщика, тыкая пальцами с обгрызенными ногтями в кнопки поцарапанного мобильного.

Вернулась Анка с журналом, поставила табуреточку напротив турника и стала листать страницы, слюнявя пальцы-сосиски.

– Асламов, прошу. Батраков готовится.

Рустам молча встал с лавки. Одет он был в серые шорты и серую же футболку. На ногах простецкие кеды за триста рублей с Центрального рынка. С желтыми подошвами, все в таких играют в футбол. Бутсы только у Березина, но он серьезно занимается.

Рустам жилистый, коренастый. Подпрыгнул, зацепился и повис на перекладине. Молча, как робот – одно повторение за другим, без всяких гримас и пыхтений. Сделал восемнадцать раз, Анка опустила голову (в чahlых волосах Турка разглядел перхоть) и поставила отметку в журнал. Рустам продолжал подтягиваться.

– Кто-нибудь, остановите уже эту машину! – выкрикнул Проханов Ваня.

Все засмеялись.

Скрипнула дверь, зашла Воскобойникова с красным лицом. Анка спросила, что произошло, девчонки из «свиты» объяснили. Анка начала искать виноватого, но оказалось, никто не видел того, кто пнул мяч, ну а Шуля, естественно, не признался.

– Трусые. Позорники. Разве это мужчины? Тьфу! – Анка покраснела, но больше ничего не добавила. На Турку накатил стыд. Ну если бы мяч попал в другую девчонку, он, может,

и выдал бы Шулю. А так, Воскобойникова... Вообще плевать на эту козу. Она вечно всякие козни плетет.

Так и пошло. Кто-то делал нужное количество повторений без особых усилий, кто-то, как например Алик или Ваня Проханов, не мог сделать и одного раза. Русаков разминался на соседнем турнике, ожидая своей очереди, и Вол сдернул с него шорты. Снова все засмеялись. На лице Анны Имильевны появилось странноватое выражение.

– Вол! Вышел из зала.

– А чо?

– Вышел, я сказала.

– А ЧО?!

– Ты болен?

– Нет.

– Тогда почему без формы? У-х-о-д-и.

– А чо? – повторил Вол. Анка смерила его долгим взглядом и листнула журнал, вздыхая. – Уфимцев!

Шуля тоже вызвался подтягиваться. Долго готовился и плевал на ладони. Выполнял свои честные десять повторений и побил себя кулаками в грудь, как будто забил гол в финале чемпионата мира по футболу. Он всегда так праздновал голы, если забивал. Не важно, на турнире за школу или просто на дворовой площадке.

Пацаны спросили, можно ли поиграть с мячом, и Анна Имильевна поморщилась:

– У нас футбол в программу не входит. Первая четверть – беговые упражнения. Сегодня не пошли на улицу, потому что там везде песок и грязь. Площадку не доделали еще. Да и небо хмурится. Синоптики дождь обещали. Вторая четверть – сдаем нормативы в зале, броски в кольцо, баскетбол. А потом волейбол у нас. Футбола в программе нет, – повторила она.

– Ну пожа-а-алуйста, ну Ан Ими-и-иллльн-а! – начал канючить Березин, а за ним и остальные «футболеры». Анка решила еще немного помолчать для приличия:

– А чем вы играть будете? Мяча-то ведь нет.

– У меня есть! – подорвался Вовка. – Можно ключи от раздевалки?

Анна Имильевна протянула ему связку, Вова выбежал из зала.

Вернулся быстро, но без мяча.

– Кто-то забрал. Кто украл, а? – он снова был бледный, ключи позвякивали в руке. – КТО?

В ответ – лишь смех и пожимания плечами. Вовка чуть не плакал. Анна Имильевна молча пошла на второй этаж. Металлические ступени чуть не прогибались под тяжелой поступью.

Спустя несколько секунд в зал полетел мяч. За него тут же началась борьба – Березин успел первым и убрал на замахе Шулю, а затем развернулся вокруг своей оси. В спину ему врезался Тузов, Березин картинно упал...

Поделились, и, конечно, Турка оказался в одной из слабых команд. Вовка нормально играет, но остальные три игрока – это Максимка-ботаник, Женя-Муравей и Кася. Что с таким составом делать? Муравья сразу определили на ворота. Да он и сам не протестовал. А потом вдруг вытащил из кармана садовничьи перчатки. Тряпичные, с синими пупырышками.

– Фига се! Касильяс!

– Буффо-о-нище, – усмехнулся Турка. – Давайте играем. Я в защите буду. Макс, ты со мной. Просто выноси мяч, да и все. Вперед или в аут – куда угодно. Долго не возись.

– Ага, да, – кивнул Максимка. Он постоянно что-то бормотал под нос, пребывая в параллельном пространстве. Такой «чокнутый профессор» с вечно всклокоченными волосами.

Первый матч играли с командой Березина. Муравей потянул пару дальних «выстрелов», разок спас, когда Андрей выскочил один на один. Вообще, стоял он неплохо. Турке приходилось орать на Касю и на Вовку – они теряли мяч впереди и не возвращались в защиту.

– Уроды! Бегайте давайте!

Анка знай себе посвистывала. Арбитр с нее был аховый. Но Турка изголодался по футболу – целое лето не играл! Поэтому даже поражение не расстроило.

– Макс, красава! – тяжело дышал Вовка. – Установку выполнил! В следующий раз бей все-таки в сторону чужих ворот.

– Хорошо.

Команда Тузова играла с командой Березина. Андрей прошел сразу трех человек, усадил на задницу вратаря и забил в пустые ворота. Крыщ бросился в ноги Уфимцеву, тот сделал чуть ли не сальто и, вскочив на ноги, полез драться. Крыщ похлопал его по щеке, а Уфимцев хотел ударить Крыща в лицо, но на него накинудись остальные и удержали. Крыща тоже держали, он нелепо выкидывал ногу-в-туфле, пытаясь достать противника.

Анка засвистела.

– Асатрян! Желтая карточка.

Игра продолжилась.

Забил и сам Тузов своим широким, как стол, лбом. Рамис подал с угла поля, а Тузов переправил мяч в сетку.

Так время и закончилось. Победителя не выявили и решили бить серию пенальти. Лупили в основном мимо. Только Березин четко положил мяч в самый уголок – от штанги. Затем забил с пенальти Шуля и проехался на коленях по крашенным деревяшкам.

– Блин! С Тузовыми играть! Вот дерьмо.

– Ничего, тактика та же. Макс – выбиваешь куда-нибудь, в аут – пофиг. Пошли!

Тузов пробил без свистка, Муравей взял мяч намертво. Развел на Вовку, а противники завозмущались:

– Э, мяч на базу! Это мы так, не считается!

– Считается! – возразил Вовка.

– Э, ты уткнись там, Гнич!

– Мяч на центр! – свистнула Анка. – Разводит команда Сергея.

Вова от души зарядил мячом в Крыща, а тот увернулся, цокнув подошвами туфель по паркету. Потом сделал страшные глаза и провел ребром ладони по горлу.

Матч стартовал. Команда Тузова играла грубо. Тыкала локтями в лицо, старалась попасть не по мячу, а в голени или сзади – по пяткам. Анка не свистела, а вскоре и вовсе куда-то ушла.

Тогда и началась бойня.

Все вокруг свистели и улюлюкали, махали руками и подсказывали. Турка уже здорово вспотел и запыхался. Муравей тащил мяч за мячом, чуть ли не после каждого удара его добивали ногами, тыкали носками кед прямо в лицо, в пах. Он уворачивался, не обращал внимания на цепляющиеся за его свитерок пальцы, и вбрасывал мяч. В основном на Вовку. Тот обводил несколько человек и бил.

Один из таких проходов закончился голом.

Началась потасовка. Крыщ ткнул Вове под дых, тот согнулся. Турка хотел тоже ворваться, закричал, но на пути вырос Тузов. Он толкнул массивным, словно колонна, плечом Турку в грудь и задержал его. Вовку в это время месили уже двое: к Крыщу присоединился Рамис. Затем засвистела Анка, затопала ногами.

– Прекратить драку! Мальчики, прекратите! Да разнимите же их!

Никто никого разнимать не стал. Вол дорвался до баскетбольного мяча и пробил по воротам. Муравей решил не ловить, и мяч прорвал сетку. Она мягко скользнула по воротам и опустилась на пол, как женская ночнушка.

Послышалось далекое дребезжание звонка.

– Никто никуда не уходит! Построились! Дебилы, уроды! – Анна Имильевна продолжала свистеть, попутно отпустила подзатыльник Крыщу, а Вовка снова утирал с носа кровь.

Класс медленно и неохотно строился в шеренгу. Стихли обычные разговорчики, и лишь отдельные смешки отражались от потолка и стен.

Начался обычный урок, с вопросами без ответов. Сколько их уже выслушал Турка? И какой от них прок? Когда стоишь, потупив глаза, и думаешь о столовой, о попках одноклассниц, о том, как тебе хочется домой, и что надоело уже слушать этот бред.

И ты знаешь, что не изменишься, пока сам не захочешь, что бы там кто ни талдычил.

А сам ты меняться не хочешь. Потому что тебе плевать, и о будущем думают только какие-нибудь умники или старики, а ты учишься в девятом классе, и тебя волнуют лишь собственные желания, и нет дела ни до экзаменов, ни до университета и уж тем более до будущей работы.

Голос классной руководительницы эхом разносился под белым сводом потолка. Турка хотел спать и пить. Уйти, что ли, с истории? Но там же эта, училка...

После лекции Анна Имильевна проверила сетку и сказала Волу, чтоб тот принес деньги или новую сетку, а он опять завел свою песню: «А чо?»

Так прошла физ-ра.

Глава 5

Контрацепция

Турка сходил в столовку и купил бледного чаю в граненом стакане. Пускай и не вода, но точно лучше, чем пить из крана. Чай хотя бы кипятком заливают.

Под низким потолком столовой кружили мухи, как миниатюрные истребители. Воздух был густым и спертым, стояла влажная духота. Еще Турка взял кругленькую пиццу. Пацаны прикалывались, что вместо колбасы с сыром в тесто запекают крысиные хвосты и кишки.

Шуля бродил по столовой и стряхивал «по мелочи» с лошков. Турка тоже этим раньше занимался. А что, хочешь перекусить, а денег нет. Попросил у того рубль, у того два, вот тебе уже и обед.

Сейчас это показалось ему глупостью. Здоровенный лоб выпрашивает подачки у малых. Хотя раньше делал ведь так, и что такого, вроде?

Один пацанчик из пятого класса пил густой малиновый кисель. Шуля подошел к нему и сказал:

– Малой, есть чо по мелочи?

– Не, нету.

– Что у тебя тут? Кисель? – Шуля покосился: на входе географ. Застыл и следит. – Смотри, муха села на край стакана! Фу, а ты пьешь. Да она личинку туда отложила, я видел. Слышь, малой! Не чеши – гони рубль.

– Правда, нету!

– Я тебя запомнил, – пригрозил Шуля. Кинул быстрый взгляд – географ скрестил руки на груди. Пацанчик пожал плечами и продолжил хлюпать киселем.

На историю собирались медленно. Мария Владимировна уже сидела за столом. Сегодня на ней была более плотная кофточка, белая с расклешенными рукавами и воротником-оборкой. Вырез V-образный, ткань натянута на груди достаточно плотно. Училка встала, взяла пыльную тряпку и стерла конец «сентября» (кто-то подписал вместо «р» букву «л»). Двумя пальчиками подхватила кусочек мела и начала выводить месяц заново. Буквы витиеватые, у Хазовой похожий почерк. Сплошные кургульки. Прописная «т» похожа на «м». «И», «ша» и «эль», написанные в одно слово, превращаются в сплошные английские «и».

– Звонок был? – спросила она, не оглядываясь. Мел скрипел по доске, на пол летели мелкие пылинки.

– Был, – ответил Вова и подмигнул Турке. На первой парте уже располагались близнецы Водовозовы, на привычном месте сидел умытый Рустам (он даже полотенце с собой носит), впереди Турки устроились Петя Русаков и Максимка. Последний, по обыкновению, чему-то усмехался под нос, искоса поглядывая по сторонам.

– А где ж остальные?

– Физкультура была.

– И что? – улыбнулась Мария Владимировна. – Хотя, в общем, я же сказала, что никого не держу. Учеба – дело добровольное, тем более на моих занятиях. Неохота, чтоб среди урока базар начался. Не буду говорить банальности, вроде «это вам нужно, а не мне», просто выставлю тройки в конце, да и все. Жалко, думаете?

– Так можно не ходить на уроки? И получить тройку просто так?

– Да, можно, – кивнула Мария Владимировна.

Вовка оживился, поглядел на Турку. Тот пожал плечами. Разыгрывает, наверно, их училка. Без году неделя в школе, а уже какие-то сказки рассказывает, новшества вводит.

– Только вы остальным не говорите, – проснулся Русаков. – А то вдруг кто-нибудь зайдет, и это самое... И вообще, вы же преподаватель! Разве так можно – разрешать ученикам...

– Петька, заткнись! – зашипел Вова. – Блин, а кто ж у меня мяч утащил? Он хоть и старый, но нормальный еще. Минька настоящая, не прыгает же! Дерьмо собачье... Я проверил кое-какие сумки, но без толку. Думаю, эти... – он мотнул головой.

Голоса всплыли в класс, хлопнула дверь. Шум, смех и ругательства, шарканье многочисленных подошв по паркету. Целая толпа ввалилась в кабинет, переговариваясь и хихикая.

– Разве не было звонка? – спросила Мария Владимировна. – Вышли и зашли как положено. Постучали, спросили разрешения.

Заново зашли только наиболее адекватные. Тузов и компания «не услышали» замечание. Они расположились на «камчатке», без спросу открыли окно – задребезжало стекло.

– Мы после физ-ры! – пояснил Рамис. – Щас вонять будет.

Учительница изогнула бровь, но ничего не ответила. Села на стул и принялась листать журнал, покусывая кончик большого пальца. Турка разглядел кроваво-красные ногти.

Стало интересно: какие они на вкус, ее пальцы. Наверняка нежные и пахнут каким-нибудь мылом-кремом.

Турка никогда и никому не признался бы в собственных фантазиях. Насчет пальцев училки.

Появились Вол и Шуля. Они тоже проигнорировали просьбу выйти и зайти как надо.

– А чо? – только и ответил Вол.

– Итак, начинаем урок, – улыбнулась Мария Владимировна. – У нас интересная тема. Новейшая история. Учебники у всех есть? Сегодня я немного расскажу о большевиках, что они вообще хотели, и как зародилось революционное движение. Вообще, планирую показать вам фильм про Романовых. Это последняя правившая династия Российской империи. Знаете, что с ними произошло?

– Им поотрезали бошки! Всем! – выкрикнул Проханов. Многие загоготали.

Учительница кивнула:

– Верно. Только в следующий раз, если вы что-то знаете, лучше поднять руку. Тогда я поставлю в свой блокнотик плюстик. Накапится пять плюстиков – и это уже пятерка.

– Фига се, крутяк! – опять Проханов. Снова все засмеялись, а Мария Владимировна только вздохнула.

– Проведем перекличку.

Снова список фамилий и привычное: «Я!», «Здесь!», «Туточки!» Кто-то молча поднимал руку. У Турки в голове бродил приятный туман, и от него тяжелели веки, и голова сама легла на парту.

В открытые окна врывался прохладный ветер вместе с мельчайшими капельками измороси. Небо заметно потемнело, и на фоне стального заслона клубились серые завихрения туч.

Воздух в классе сгущался от кислых миазмов пота.

Некоторые после физкультуры не переоделись. У Березина торчали из подмышек рыжеватые волосы.

Учительница рассказывала о большевиках, о кружках каких-то. Закуток Тузова и прочих дышал шумом и смехом, пацаны что-то разглядывали под столами. У Вола щеки сделались бордово-фиолетовыми, а на шее вздулась жила. Он сидел за последней партой среднего ряда, все время нырял под крышку парты и подначивал громким шепотом: «Давай! Да давай!»

– Ау! Прекратите разговаривать, мальчики!

Ноль внимания. Учительница продолжала рассказывать про план, в какой четверти что будет. Турку из истории волновала только Великая Отечественная война, Сталин, Гитлер,

великая Красная армия и ее подвиг под Сталинградом, битва на Курской дуге и так далее. Вот как раз летом Турка книгу на эту тему прочел, настоящий учебник. Да только отец сказал, что историю перевирают, а правды никто не скажет, потому что каждый тянет на себя одеяло.

Но все равно интересно. И про газовые камеры, как мучили нацисты людей в концлагерях, какие опыты над ними ставили. Жалко, что про это не рассказывают в школах. Было бы круто. Вообще, в школе порой какие-то ненужные вещи приходится учить, а самому занимательному уделяется пара строчек в параграфе.

– Да хватит уже! Попросила ведь, тише! Вы же взрослые люди. Мужчины почти! А ведете себя как малышня.

Вол хихикнул. Послышался булькающий звук. Тузов сохранял каменное выражение на своем грубом лице, Крыщ смеялся в кулак, а Рамис всхлипывал со слезами на глазах.

Мария Владимировна поплыла по ряду. Каблуки тук-тук. Тук-тук. Сегодня она тоже была в юбке, чуть более строгой. Она прошла в конец класса, внимательно глядя под крышки парт. Вол прекратил смеяться, но на дне тупых, блестящих, словно пугови, глаз плескалось безумное веселье.

– Хватит ржать. Или, может, мне расскажете, над чем хохочете?

– А чо? – ответил Вол и почесал сальные волосы. В воздух взвилось облачко перхоти.

– Заткнись, Вол! – прикрикнул Проханов.

– Да пошел ты, – отозвался Вол и снова прыснул. Учительница внимательно оглядела банду Тузова, заглянула под парту.

– Вы чего – домогаетесь? – спросил Шуля. – Хотите мужского внимания?

Мария Владимировна выпрямилась. Краска медленно залила персиковые щеки, затем лоб, шею и грудь. Рамис, Крыщ и Вол ухмылялись. Вовка гневно поблескивал глазами в их сторону. Турка тоже развернулся и наблюдал за представлением.

– Сомневаюсь, что ты можешь мне его предоставить. Разве у тебя есть в штанах что-то мужское?

Класс мгновенно затих. Даже в пустой комнате невозможно добиться подобного эффекта. Если бы Турка сейчас закрыл глаза, он без труда мог бы представить, что находится в аквариуме. Отголоски улицы, влетающие в окно, казались чем-то призрачным. Как медузы, они колыхались и дрожали под потолком.

После все взорвались. Кто-то гудел, кто-то свистел, некоторые хлопали в ладоши. Глаза у Шули налились кровью. Турка отметил, что обычно нездоровая бледно-желтая кожа на его скулах побагровела. А лицо у него отвратное, изрыто мелкими оспинками от уже выдавленных прыщей и только назревающих.

Пацаны и девчонки потихоньку затихли, перешептываясь.

Они ожидали нового взрыва.

– Хочешь, после уроков покажу? – тихо спросил Шуля.

Класс снова выдохнул. Как зрители на гладиаторском поединке.

Мария Владимировна ничего не ответила. Губы сузила в нитку. Тело (грудь-то, грудь) задрожало, будто сквозь него пустили легкое электричество.

– Ублюдок, – едва слышно пробормотала она, возвращаясь к столу. Шуля оскалился, а Вол нырнул под стол. В следующее мгновение у него в руке возник похожий на слизня прозрачный шарик с водой.

Вол выкрикнул что-то и швырнул презерватив вперед. Очевидно, он целил в спину учительнице. Конечно, промазал.

«Шарик» угодил в затылок одному из близнецов – возможно, Гришке, Турка не был уверен. Естественно, тонкий латекс прорвался, вода потекла по затылку, часть жидкости попала на зеленую доску и теперь блестела там, словно масло на подогретой сковороде.

Близнец вскрикнул и вскочил, махая руками и отряхиваясь. Пятна расплзлись по полосатой майке, воротник, спина – все мокрое.

– Эй! Какого хрена?! – Он поискал глазами обидчика, и щеки его быстро порозовели.

– Ах вы...

Еще один презерватив просвистел над собранными в пучок волосами училки. Он врезался в стену с влажным чавканьем, и в разные стороны полетели брызги.

Турка уже плохо понимал, что происходит. В такие моменты ты превращаешься в подопытное животное наружного наблюдения. Что бы ни происходило, ты просто смотришь, открыв рот. И фиксируешь, фиксируешь. Без всяких мыслей.

Вовка тряс товарища и что-то говорил. Мария Владимировна медленно встала и медленно же поплыла к задним партам. Хотя, должно быть, она сделала это очень быстро, но время будто остановилось. Ученики поворачивались, двигались, что-то говорили, откидывали голову и смеялись, ошарашенно таращили глаза, но все это беззвучно.

Как обычно, молча сидел Асламов.

Учительница толкнула Шулю в грудь. Некоторое время его стул висел в воздухе, стоя на паркете лишь задними ножками. Шуля махал руками, пытаясь ухватиться за что-нибудь, но не смог.

Послышался скрежет, после – грохот. Шуля все-таки сложился и упал вместе со стулом. Парта тоже сдвинулась, и по полу пробежала вибрация, будто великан потряс как следует кабинет.

Снова тишина. Турка думал, что кто-нибудь из соседних классов на этаже просто обязан заглянуть в кабинет. Обжэшник там, географ, или математичка (и по совместительству жена Олега Анатольевича), завуч, в конце концов.

Но дверь не открывалась.

Шуля быстро вскочил. Вид у него был безумный. Видимо, он не до конца понимал, что делает. Он грубо схватил Марию Владимировну за плечи и тоже толкнул, она наткнулась задом на парту, вверх взметнулись точеные ножки. Придавила кого-то на втором ряду – вроде бы как раз Алика и Шарловского. Алик поддержал учительницу и *облапал*.

Ведь случайно невозможно скользнуть пальцами по кофточке, а второй рукой – по обтянутому колготками бедру.

Мелькнули черные кружева. Что-то загремело. Это Вовка вскочил на ноги, поднял над головой стул и бросил в конец класса. Наверное, он хотел попасть в Шулю.

Но немного промахнулся.

Тузов успел в последний момент чуть отдернуть голову. Заточенный о паркет металлический квадратик, венчавший ножку стула, рассек ему бровь. Из пореза хлынул поток крови, и Тузов встал, закрывая лицо ладонями. Согнулся и заревел от боли – чистый бизон.

Шуля тем временем растирал поясницу и тяжело дышал, глядя на учительницу. Мария Владимировна, морщась, встала на каблуки. Она еще сильнее дрожала. Вся растрепанная, одна пуговка с кофточки оторвалась, но учительница даже не пыталась прикрыть просвечивающее сквозь ткань белье.

– Ты... ты сумасшедший!

– Первая толкнула!

– Ты кидал... презервативы с водой!

– Отвечаешь? – проревел Шуля. – ОТВЕЧАЕШЬ, ЧТО Я КИНУЛ?!

Проханов громко захохотал, и чем-то этот смех был похож на Аршавинский. Тузов тем временем выбежал из класса, по-прежнему закрывая лицо, – кровь сочилась меж пальцев, и тяжелые капли цепочкой потянулись вслед за ним. Он чуть не сорвал с петель дверь, за ним бросились и его дружки. Про Вовку они на время забыли.

– Мне все равно, кто это сделал. Вали из класса.

– ОТВЕЧАЕШЬ, ЧТО Я?! – продолжал плевать слюной Шуля.

– Присядь, Шуля! – проорал Турка. – Присядь и заткнись!

Он почувствовал, что, если не вмешаются другие преподаватели, дело может дойти до чего-то серьезного. Шуля с грохотом отшвырнул стул в конец класса, к шкафчикам со всяким дерьмом вроде еще советских табличек и плакатов.

А многоликое существо – класс, – молча наблюдало и наблюдало, ждало развязки.

– Чо? Ты мне указываешь?!

– Я говорю – успокойся. Хватит.

– А я говорю, что щас тебе башку раскрою, – Шуля решительно обошел средний ряд. Уже через пару секунд зловонные запахи, исходящие от бывшего приятеля, защекотали Турке ноздри.

Пот, но не из-за физкультуры. Просто Шуля не очень-то часто мылся. Не только по причине врожденной неряшливости – дома у него не было ни газового отопления, ни горячей воды. И вот он очутился со своими гнилыми пеньками зубов возле носа Турки. – Указываешь мне? Повтори, что сказал! Руки убрал!

– Сядь, – Турка почувствовал, что слова бесполезны, и не стал дожидаться очередной реплики. Резко ткнул Шулю в живот, а когда тот чуть согнулся, добавил коленом в нос и тут же завалил хрипящего соперника ударом под дых.

Опять кровь. Весь паркет залит уже.

Потревоженные парты скрежетали ножками по полу, словно расстроенные виолончели. Турка навалился на Шулю и придавил коленной чашечкой дыхалку:

– Успокоился? А? – тот в ответ шипел что-то малопонятное. – УСПОКОИЛСЯ?!

Раздался еще один чавкающий звук и плеск.

Это Вол под шумок швырнул в близнеца Водовозова очередной презерватив.

– Слезь... да слезь ты... – хрипел Шуля.

Но уже как спущенное колесо, без особого энтузиазма.

Лужи, красные лужи...

Глава 6

Откровения коновой

Так и закончился учебный день. Турка пришел домой в смешанных чувствах. Турка не понимал, почему Мария Владимировна не позвала завуча. Да и не кричала она особо. Скорее всего, уволится или откажется преподавать в их классе. Что ж, весело было сегодня.

Хотя раньше настолько откровенного хамства не бывало. Впрочем, старшаки и не такое рассказывали. Правда, прикалывались они над старым химиком – уважением Иван Петрович Полесовой не пользовался. Сам Турка не застал уроки Полесового, только пару раз в коридоре его видел. Раздвоенный подбородок, очки кругленькие, толстый, суетливый и будто бы утонченный интеллигент. В школе он только пару лет и продержался. Очень похож на Питера Гриффина, прямо один в один, но уволился слишком уж быстро, перевелся вроде как в колледж какой-то...

Турка пришел домой, забросил мешок на завязках в дальний угол. Потом подумал, что хорошо бы разобрать физкультурную форму, а то сопреет. Но хотелось пить и жрать, так что отложил на потом.

Он заглянул в холодильник, вытащил пакет с сардельками и кастрюлю с макаронами. Сварил три сардельки, прямо основательно прокипятил, а то уже скользкие. Макароны нагрел прямо так, в кастрюле, после вывалил в глубокую тарелку, от души залил кетчупом.

Поел от пуза. Выкурил сигаретку, выпил кофе. Все как обычно.

С неба заморосил дождик. Турка подумал, что он – ленивая задница – не стал сегодня заниматься. Вроде как физ-ра была, неохота. Сначала разогрелся, потом остыл, и снова разминать мышцы, а в такую погоду только спать и охота. Под навесом сидеть хорошо, потягивать глоток за глотком кофе и выпускать сквозь ноздри дым.

Включил телик, пощелкал по каналам. На одном шла викторина – ее вела красивая девчонка в открытом платье. Она вертелась и приплясывала:

– Кто же, кто же первым дозвонится и скажет мне слово? Внимание – приз увеличивается еще на ПЯТЬ ТЫСЯЧ рублей! Звоните – такое простое слово, друзья! Расставьте буквы в правильном порядке и дозвонитесь в студию! У нас тут прямо настоящие игры разума! – ведущая хлопала ресницами и совершала пассы ручонками.

– Вот идиоты, – резюмировал Турка. – «ЛКА-ГАЛ-ШПАР» – шпаргалка же! Придурки... – Он переключил на «Званный ужин». Лысый ведущий помогал Шандыбину готовить борщ. Переключил на МТВ. Там шел клип, и Турка принялся подпевать, кивая головой.

– Эт зе ферст дэй...

Шуля сказал, что еще разберется с ним. Да пусть что угодно несет, отморозок.

«Да я и сам отмороженный, – подумал Турка. – Или уже был?»

Сейчас он подумал, что дал родителям глупейшее в своей жизни обещание. Что будет учиться и так далее. Кому это нужно, ну кому?..

Турка накинул тонкую олимпийку, надел кроссы...

До стадиона добежал легкой трусцой. Как во сне – все вокруг было какое-то расплывчатое, а далекие здания скрывались за пеленой молочного тумана.

Ворота стадиона «Труд» оказались закрыты, лишь калитка скрипела. Турка замедлил шаг. Послышалось глухое ворчание, лай. Турка заглянул в ворота.

Так и есть, он там.

Вроде бы маленький, на кабана похож. Шерсть короткая, глазки свиные. Вместо хвоста обрубок. Шерсть короткая, коричневая.

Проклятый пес.

Турка поискал глазами хороший камешек, благо под ногами было полно щебенки крупного помола. Пес завыл и залаял, скаля зубы. Турка взял – и перешагнул порог калитки. Эта вонючая псина охраняет парковку при стадионе.

Хозяина псины Турка видел всего один раз. Это был толстый мужик, который, как и его шавка, тоже сидел в подобии будки, в небольшом вагончике-сторожке.

– Пшел вон! – Турка швырнул первый камень. Специально кинул мимо, неохота все-таки собаку калечить.

А у пса, видно, были прямо противоположные намерения, и он бросился под ноги Турке, визгливо лая и рыча. Пацан двинул тварь ногой в бок, в воздухе клацнули зубы. Тогда Турка разозлился, булыжник с глухим стуком ударил пса по хребту, и он, взвизгнув, отскочил назад, поджав хвост.

– Вали! – крикнул ему вдогонку Турка. – Отродье сраное!

– Эй, пацан! Ты собаку-то не трожь! – Из будки вывалился жирдяй. Футболка обтягивала его пузо, как вторая кожа, из-под нее выглядывал пупок.

– А чо ты за ней не следишь?! – проорал Турка.

– Так она машины охраняет! Чего ты вообще сюда приперся, щ-щегол?

– А ты как думаешь?

– Ты как со старшими разговариваешь?! – возмутился жирдяй.

– Да пошел ты, – бормотнул Турка. Не останавливаясь, перепрыгнул через небольшой железный заборчик, отделяющий резиновые дорожки с потертыми белыми полосами от асфальта, и потрусил дальше.

Стадион был заброшенным. Турка бывал тут много раз – пока не снесли трибуну. Вроде как здесь собирались и вовсе все реконструировать, чтобы потом проводить легкоатлетические соревнования. Поле теперь больше походило на огород: похоже, никто за ним не следит. Каркали вороны, целая стая. Что-то выискивали в траве, переговаривались, летали с места на место.

– Артур! Привет! – раздался девичий голосок. Кто бы это мог быть? Турка поднял голову, и рот у него разъехался до ушей.

Попа, обтянутая черными лосинами, толстовка распахнута, розовая кофточка облепила груди. Из болтающихся наушников лилась песня, и Турка сразу узнал хриплый голос Кобейна, тянущий «come as you age».

Как он сразу не заметил Ленку? Все из-за жирдяя.

– Привет! А ты чего здесь?

– Жир с ляжек сгоняю. А ты? На физ-ре не набегался?

– Да сколько мы там поиграли – пятнадцать минут? Меньше даже. Какой там у тебя жир!

Конова засмеялась.

– Решила вот сегодня не ходить на учебу. Иногда мне не хочется идти в школу, и тогда я отдыхаю. Так тяжело по утрам вставать!

– Странно, – хмыкнул Турка. – Блин, никто так не говорит. Ну, обычно пытаются отмазаться. Мол, к врачу ходила, или живот болел.

– Да мне пофиг. Ты бегать пришел или трындеть? – усмехнулась Конова. – Давай догоняй!

И вот уже Турка значительно воодушевился и повеселел. Куда приятнее бежать рядом с девушкой, и неважно, какая погода. А еще лучше бежать сзади нее и смотреть, как подрагивает обтянутый лосинами зад. На ногах у Ленки были новенькие кроссовки «Рибок» темного цвета с красными шнурками, белые носочки контрастировали с лосинами.

Пробежали круг, два, пять. Конова бежала легко и непринужденно, а Турка едва поспевал за ней с непривычки. Раньше-то он любил круги нарезать, когда-то давно. Еще с отцом сюда приходили. Правда, тот быстро сдался: больше чем на месяц его не хватило.

Пробежали еще три круга. На восьмом Турка заметно отстал от Ленки, хотя и старался изо всех сил прибавить. Куда там! Она бежит себе, а из наушников музыка льется.

Турка думал, что сойдет с ума, когда они побежали десятый круг. Он смотрел на ворон и завидовал им. Слышал, как лает тот проклятый пес, и ему тоже завидовал. Тело горело огнем, по лбу, вискам и скулам струился пот. Ветер ерошил мокрые волосы, легкие горели, и не хватало кислорода.

«Нужно бросать курить, нужно бросать курить, сколько там осталось, да хватит уже, остановись, теперь ни одной сигареты», – мысли кружились в голове Турки, как птицы, захватывая сознание.

Конова пошла шагом. Турка обрадовался. Теперь можно просто ХОДИТЬ по-человечески и дышать полной грудью, вбирать прохладный воздух всем нутром.

– Ты... как зашла... собака там...

– Да я с другой стороны. Там калиточка открытая, – пояснила Лена, вытаскивая наушники. – Хорошо пробежали. Я сюда часто прихожу, а летом так и вовсе чуть ли не каждый вечер бегала.

Турка уткнулся ладонями в колени и дышал, опустив голову. Поднял взгляд на Лену, кивнул. Кто бы мог подумать! Тогда понятно, почему у нее такая дыхалка. Вот только это никак не вязалось с Туркиными представлениями о жизни Коновой.

Он вспомнил, как шутили с Вовкой насчет порнотехникума, будто Конова собралась туда поступать. Так бывает – когда тебе кто-то нравится, ты шутишь на его счет, делая вид, что человек тебе безразличен.

– Молодец. Надо бы и мне тоже не бросать... Ты шас домой?

– Ага. Пошли, проводишь? – сказала Конова, и у Турки скакнуло сердце. Если бы это предложила любая другая девчонка, то просто проводил бы и все, а так аж горячая волна пробежала по телу.

– Ну пошли. Как тебе новая историчка?

– А, какая-то странная. Видно, что не здешняя, – Лена заткнула за ухо выбившуюся из пучка прядь волос. Лицо у нее покраснелось, на щеках выступила испарина. Губы чуть распухли, и Турке хотелось притянуть девушку к себе и впиться в них ртом. – А вообще-то она нормальная. Я бы, например, тоже не смогла у нас преподавать. Тридцать человек – и все дебилы. Ну, почти все, – улыбнулась Конова. Турка тоже тянул лыбу, поглядывая на одноклассницу.

– Ты это... как лето провела?

– Да хорошо. Как все, наверное. Как вернулась из деревни, так и сидела за компом. Ужас как там скучно! Людей нет, развлечений тоже нет.

– Чего ж поехали туда?

Конова замолчала. Турка понял, что этот вопрос задавать не следовало. Смутился и теперь шел, разглядывая носки ботинок. Они уже поднялись по пустынному бугру, изрытому ямами, и вышли к пресловутой калитке, с неба опять срывались мелкие капельки дождя.

– Так, поехали. Отдыхать типа, бабушке помочь. Правда, она мне не родная. Ты сам-то как лето провел?

– Гулял, бухал. Купаться ездили часто, на речку и на водохранилище. На машине. Шуля за рулем был, без прав, само собой. Сейчас думаю – как это нас не остановили ни разу? Наверное, испугались. Пять быков в шестерке, сама понимаешь...

– Ха! Ты-то уж знатный бык! – фыркнула Лена.

– А чего? Ну так с нами старшаки были же! Валек, друг Шули – огромная туша, килограмм сто весит. Жмет полторы сотни, в зале занимается. Я тоже думаю скоро в зал пойти, только пока не знаю, в какой. Неохота встречаться со старыми друзьями, я ж вроде как на путь исправления встал.

– Да? – изогнула бровь Лена. – Ну надо же... Блин, не люблю сентябрь. «Wake me up, when September ends», – вздохнула девушка. – Знаешь эту песню?

– Нет.

– Ты что, это ж «Гриндэй»! – Лена так забавно подняла брови, что Турка расхохотался.

– Ну не знаю просто вот.

– Темнота!..

Так потихоньку добрались до невысокой пятиэтажки. Обшарпанная, оббитая дверь скрипела, когда люди входили-выходили.

– Вот, здесь я и живу.

– Ты ж вроде в частном жила? Переехали? – Турка поглядел на ржавую табличку. Букву «М» нарочно замазали чем-то черным и получился не совсем «Мебельный пер».

Снова в голове Турки зашевелились разные гнусные мыслишки. Прямо наваждение какое-то с этой Коновой.

– Ага. То дом отца был.

Турка постоял немного в надежде, что Лена его пригласит. Он видел в печальных глазах Коновой что-то такое светлое, и этот огонек манил его. Всякие скабрёзности насчет Лены уже не лезли в голову, Турка просто хотел подольше побыть с ней. Сквозь дымку печали во взгляде девушки проглядывала усталость, как будто ей не пятнадцать лет, а все сорок, и хотелось растворить эту печаль или вытянуть наружу.

Тихий переулочек, и лишь деревья шелестят, переговариваются меж собой.

– Ну что, я пойду? – сказал Турка.

Конова засмеялась в очередной раз (какой же у нее чудесный смех!) и слегка пожала протянутую ладонь. Турка восхитился нежной кожей, а щеки у него уже болели от бесконечных улыбок.

– И зайти не хочешь? – склонила она голову, улыбаясь.

– Зайти?

– Ну. Попьем воды хотя бы. Или чаю хочешь?

– А можно, – кивнул Турка, не веря своему счастью.

Он сейчас зайдет в квартиру Ленки. Немыслимо!

– Пошли тогда.

Девушка увлекла его за собой; так, наверно, бездомный щенок бежит за прохожим. Как удачно вышел на пробежку! Видимо, это судьба. Ведь если бы не пошел бегать, то, может быть, и вовсе не собрался бы подойти там, телефон попросить или назначить свидание. Мало ли что может произойти завтра.

Лена выглядела гораздо привлекательнее, чем в школе, и никого не было поблизости, никто не будет перешептываться за спиной или прерывать разговор глупыми шутками.

Да и вообще в школе все совсем другие.

А что было бы, встретить он здесь Марию Владимировну?

«Это, пожалуй, из разряда фантастики, – подумал Турка. – И вряд ли бы она пригласила меня к себе домой. Есть ли у нее муж? Парень-то уж точно имеется. Как часто они с ним *это самое*, интересно было бы знать!»

– Хочешь, угадаю, о чем ты думаешь? – сказала Конова. Турка вздрогнул. Они поднимались по загаженной лестнице. В воздухе витал неприятный запах – ссанина, курево и бедность, что ли. Ремонта дом не видел с самого момента постройки.

– Ну-ка.

– «В какой бомжатне она живет!»

Оба засмеялись. Смех отражался от серых стен, с которых пузырями отходила штукатурка. Тут и там непристойные надписи, матюки, жирно нарисованные маркером гениталии.

– Почти угадала, – сказал Турка.

– Зато я на последнем этаже живу. На пятом то есть. Над нами никого, а квартира под нашей пустует. На самом деле тут люди тихие, никаких уголовников. Выпивают, конечно. Ну, а кто сейчас не бухает?

– Я вот, например, – сказал Турка, а Ленка фыркнула. – А чо, решил бросить, говорю же. Ну не сразу, а постепенно. Может, только теперь на Новый год там выпью шампанского, и все. Получится, как думаешь?

– Бросить он решил... Смешной ты. Получится, – в пальчиках девушки как по мановению волшебной палочки появился ключ. – Главное – желание!

Она открыла дверь, и Турка переступил порог. Лена скинула курточку, чуть запнулась, снимая кроссовки. Турка поддержал ее, пальцы случайно скользнули к голому участку кожи – под курткой была на самом деле безрукавка, розовая. Подушечки пальцев Турки прикоснулись к едва-едва успевшей вылезти щетинке под мышкой. Почему-то от этого стало приятно.

Более того: к паху ощутимо прилила кровь.

– Спасибо. Я еще после бега не отошла! – Конова даже не заметила ничего.

Или сделала вид.

– Ага.

Турка скинул кеды. Сразу подумал о носках. Прийти в гости к девушке и обнаружить на большом пальце и на пятке дыру – унижительная штука.

Слава Богу, целые. Правда, тут же завоняли.

– Ты это... Носки пахнут, короче. Не обессудь – бегали же.

– Да не парься. Ты проходи на кухню. Я сейчас быстренько душ приму, ладно?

– Ага, – кивнул Турка. Лена держалась совершенно свободно, а Турка чувствовал себя не в своей тарелке. Конова ему нравится, но какая там любовь – странно все как-то.

Вот, моется уже, полоска света выглядывает из-под двери, и слышен плеск воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.